

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 **Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков.** Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., ил.; 4 отд. л. цв. ил.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains the collective monograph titled “Balto-Slavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph’s sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амерзийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в. ..	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481
Contents	502

М. В. ОСЛОН

Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и илллатива¹

1. Вводные положения

В литовском именном склонении имеется семь общелитовских падежей: именительный (номинатив, nom.), родительный (генитив, gen.), дательный (датов, dat.), винительный (аккузатив, acc.), творительный (инструменталь, instr.), звательный (вокатив, voc.) и «местный» («локатив»). Первые шесть («первичные») напрямую восходят к индоевропейским падежам; «местный» же стоит особняком и, по крайней мере в литературном языке, не восходит к древнему местному падежу (локативу, loc.), а выражается рефлексамии сложения какой-то формы имени с послелогом **ēn* 'в' (поэтому это «вторичный» падеж)². Помимо этого, в памятниках, а также периферийных восточных говорах выделяются ещё три вторичных местных падежа, так что общелитовский «местный» (отвечающий на вопрос 'где, в чём?') оказывается лишь одним из четырёх вторичных местных падежей (поэтому вместо «местный» / «локатив» применяется наименование «инессив»). Все четыре вторичных падежа – сочетания тех или иных форм первичных падежей с послелогамии; дадим общепринятую схему:

адессив (adess.)	'у чего, кого?'	= loc. + <i>-pi</i>	< <i>*p(r)i</i> (?)	ср. <i>priē</i> 'при'
аллатив (all.)	'к чему?'	= gen. + <i>-pi</i>		
инессив (iness.)	'где, в чём?'	= loc./acc. (?) + <i>-e</i>	< <i>*ēn</i>	ср. <i>ĩ</i> 'в'
иллатив (ill.)	'куда, во что?'	= acc. + <i>-na</i>	< <i>*nā</i> (?)	≠ <i>nuō</i> 'от'

Первичные падежи, вошедшие в адессив и аллатив, – это, как принято считать, (старый) локатив³ и генитив соответственно; илллатив основан на аккузативе; по поводу же инессива в балтистике царит плюрализм мнений (см. разд. 3б). Послелогии в разной мере подверга-

¹ Благодарю А. Е. Аникина, С. Г. Болотова, М. Каповича, И. С. Пекунову, В. Ринявичюса, В. Смочиньского, Р. Шептыньского, П. Янчулевича за помощь.

² Для *iness.pl.* ныне господствует иное мнение (мы его оспорим, см. разд. 3б).

³ Альтернативный взгляд: датив (Rosinas 1999, Villanueva Svensson 2020).

ются апокопе⁴. Приведём максимально обобщённые и нормализованные формы (в т. ч. лишь потенциальные) всех четырёх вторичных падежей, без учёта всех вариантов (см. ниже; адессив даём только в ед. числе – формы мн. числа почти не сохранились; для адессива и аллатива даём только формы с апокопой; для инессива и иллатива даём литературный вариант: ill.sg. с апокопой, остальные – без):

	а.п.: 1	2	3	4
ǫ-основы:	<i>výras</i> ‘муж’	<i>põnas</i> ‘пан’	<i>bérnas</i> ‘парень’	<i>miškas</i> ‘лес’
sg. adess.	<i>výriep</i>	<i>põniep</i>	<i>berniep</i>	<i>miškiép</i>
all.	<i>výrop</i>	<i>põnop</i>	<i>bernóp</i>	<i>miškóp</i>
iness.	<i>výre</i>	<i>ponè⁵</i>	<i>bernè</i>	<i>miškè</i>
ill.	<i>výran</i>	<i>põnan</i>	<i>bernañ</i>	<i>miškañ</i>
pl. all.	<i>výrum(p)</i>	<i>põnum(p)</i>	<i>bernùṁ(p)⁶</i>	<i>miškùṁ(p)⁶</i>
iness.	<i>výruose</i>	<i>põnuose</i>	<i>bernuosè</i>	<i>miškuosè</i>
ill.	<i>výruosna</i>	<i>põnuosna</i>	<i>bernúosna</i>	<i>miškúosna</i>
ā-основы:	<i>bóba</i> ‘баба’	<i>rankà</i> ‘рука’	<i>galvà</i> ‘голова’	<i>mergà</i> ‘дева’
sg. adess.	<i>bóbaip</i>	<i>rañkaip</i>	<i>galváip</i>	<i>mergáip</i>
all.	<i>bóbos(p)</i>	<i>rañkos(p)</i>	<i>galvós(p)⁶</i>	<i>mergós(p)⁶</i>
iness.	<i>bóboje</i>	<i>rañkoje</i>	<i>galvojè</i>	<i>mergojè</i>
ill.	<i>bóbon</i>	<i>rañkon</i>	<i>galvõn</i>	<i>mergõn</i>
pl. all.	<i>bóbum(p)</i>	<i>rañkum(p)</i>	<i>galvùṁ(p)⁶</i>	<i>mergùṁ(p)⁶</i>
iness.	<i>bóbose</i>	<i>rañkose</i>	<i>galvosè</i>	<i>mergosè</i>
ill.	<i>bóbosna</i>	<i>rañkosna</i>	<i>galvósna</i>	<i>mergósna</i>

Как видно, вторичные падежи акцентно идеально встроены в литовское именное склонение в плане его парадигматической организации. При этом все указанные формы, кроме iness.sg. ǫ-основ, показывают недействие закона де Соссюра (с корня сдвига ударения нет),

⁴ Настоящая статья вплотную примыкает к статье Болотов, Ослон 2019, где рассмотрены адессив и аллатив и произошедшая в их окончаниях апокопа. Инессив и иллатив там рассмотрены эскизно, подробный их анализ было решено оставить на будущее ввиду их вариативности; они рассматриваются здесь.

⁵ Форма со сдвигом ударения с корня по закону де Соссюра.

⁶ Два знака ударения означают, что в «нормализованной» записи этих (теперь сугубо диалектных) окончаний принято писать циркумфлекс (так в LD: 214, 222), но в них засвидетельствован и акут, каковой мы считаем закономерным (о чём см. Болотов, Ослон 2019: 78–79).

ср. формы а.п. 2: *põnop*, *raĩkosna* (а не ***ponóp*, *rankósna*⁷) и др., хотя в именах подвижных акцентных парадигм следующий за корнем (ударный) слог – акутовый, ср. *miškóp*, *mergósna*. Как мы пытались показать ранее (Болотов, Ослон 2019), этот факт объясняется фонетически точно так же, как параллельная ситуация в первичных падежах с двусложными окончаниями, ср. *dat.pl. (*-āmus >) raĩkoms* (а.п. 2) при *mergósna* (а.п. 4), где ударный акут вторичен и возник вследствие синкопы следующего за ним гласного («правило Лескина-Отрембско-го-Смочиньского», см. разд. 5).

В инессиве и иллативе в тривиальных морфонологических условиях (в разной степени факультативно) происходит апокопа ударного последнего слога, ожидаемо давая циркумфлекс в новом последнем слоге, причём послелог **-ėn > -ė* полностью отпадает (*iness.sg. sūnujė > sūnuj*⁸ ‘в сыне’, *iness.pl. dievuosė > dievuōs* ‘в богaх’), а послелог *-nà* теряет последний гласный (*ill.sg. daržanà > daržai* ‘в огороде’, см. Болотов, Ослон 2019: 70–71).

В диалектах налицо много сегментных и акцентных вариантов, отклоняющихся от «литературной» парадигмы. Ниже дадим обзор имеющегося разнообразия, которое обычно объясняют всевозможными аналогиями. Мы же попытаемся построить строгую схему, не прибегая к аналогиям, способную дать представление о возможных регулярных путях возникновения наличных форм. Это следует воспринимать не как реконструкцию, а как испытание известных фонетических законов на широком наборе более или менее априорных праформ, что, однако, само по себе есть необходимый этап реконструкции.

2. Обзор диалектных систем

Приведённые выше обобщённые формы обычно даются как основные (по LD) и могут считаться «литературными»; на практике же они извлечены прежде всего из показаний нескольких маргинальных диалектов. Приведём формы инессива и иллатива из памятников и описаний. Кроме демонстрации сегментного состава окончаний, этот обзор призван осветить вопрос действия или недействия закона де Соссюра в формах *ill.pl. имён а.п. 2* («литературно» *raĩkosna* ‘в руки’, но в этих говорах иногда *rankósna* и под.). Начнём с системы, засвидетельствованной в «Постилле» Даушки:

⁷ Данная форма возможна в диалектах (см. разд. 2).

⁸ Об обозначении интонации на *-Ij* см. Болотов, Ослон 2019: 68сн.

(а) «Постилла» Даукши (DP: 64₃₀, 76₂₃, 209₉, 295₄₄, 395₁₅, 471₄₁ и др.)

а.п.: 1		2	3	4
<i>ō</i> -основы ⁹ :				
sg.	iness.	<i>miēsté</i>		<i>krauié</i>
	ill.	<i>miēstan</i>		
pl.	iness.	<i>miēstũfe</i>		<i>namũšĕ</i> ¹⁰
	ill.	<i>miēstũfn̄'</i>		<i>namũfn̄'</i> <i>namũfna</i> ¹¹
<i>ā</i> -основы ¹² :				
sg.	iness.	<i>dũnoie</i>	<i>rąkoie</i>	<i>kalboié</i>
	ill.		<i>rąkon'</i>	<i>kruwón'</i>
pl.	iness.	<i>kôiofe</i>	<i>rąkofę</i>	
	ill.		<i>gíríofna</i> <i>máriófn̄</i> <i>mariôfn̄'</i> <i>rąnkôfn̄'</i>	<i>pũtófn̄</i>

Неапокопированный исход ill.pl. *-sna* у Даукши редок: чаще *-sn* (с графическим апострофом). Ударение этих форм в а.п. 2, возможно, колебалось (но стабильно *rąnkôfn̄'* 'в руки', правда, всегда во фразе: *impul̄ rąkôfn̄' Wießpatiés* 'впасть в руки Господа')¹³.

⁹ В nom.sg. (современные литературные формы): *miēstas* 'город', *namaĩ* (pl.) 'дом', *kraũjas* 'кровь'. В таблице даём оригинальное написание Даукши. Апостроф в конце слов отражает апокопу, точнее – тот факт, что апокопа здесь мыслится Даукшей как факультативное (т. е. живое) явление (при наличии варианта без апокопы), ср. ещё (множественно) *kaip'* (и *kaipo*) 'как', *iam'* (и *iamui*) 'ему'. Отождествление апострофа с мягкостью ставшего последним согласного (Ostrowski 2014: 266) явно ошибочно (ввиду регулярного наличия апострофа в случаях апокопы передних гласных).

¹⁰ Ср. с носовостью: *kraßtũfę* (но и *kraßtũšĕ*) 'в краях'. В «Постилле» при одной букве не бывает двух диакритических знаков (их в число входят надстрочный крючок и подстрочный хвостик).

¹¹ Ввиду отсутствия других знаков (так много раз), это *namũosn(a)*.

¹² В nom.sg.: *dũona* 'хлеб', *kôja* 'нога', *rankà* 'рука', *girià* 'лес', *mãrios* (pl.) 'море', *kalbà* 'речь', *krũvà* 'куча', *puotà* 'пир'.

¹³ Имеются два примера диакритического знака на *-na*, в т.ч.: *ir namũfna fawũfnà ių ne láiškimé* 'и в домá свои [или дом свой] их не пустимте' (DP: 304₄₈); это не слишком показательно ввиду наличия «лишнего» знака в *láiškimé* (лишние знаки, по крайней мере в части случаев, – опечатки).

(б) Грамматика Куршата (Kurschat 1876: 143, 170–171, 403)

	а. п.: 1	2	3	4
ǫ-основы¹⁴:				
sg. iness.	<i>tilte</i>	<i>butè</i>	<i>kóte</i>	<i>kraštè</i>
ill.				(<i>laukaĩ</i>) (<i>vaĩdan</i>)
pl. iness.	<i>tiltuose</i>	<i>bùtuose</i>	<i>kotuose</i>	<i>kraštuose</i>
ill.				(<i>namuosnà¹⁵</i>)
ā-основы¹⁶:				
sg. iness.	<i>várnoje</i>	<i>raĩkoje</i>	<i>ašakoje</i>	<i>mergoje</i>
ill.		<i>raĩko(j)</i>		
pl. iness.	<i>várnose</i>	<i>raĩkose</i>	<i>ašakose</i>	<i>mergose</i>
ill.		<i>raĩkos</i>		
		(<i>rankosnà¹⁵</i>)		

Обращает на себя внимание ударение iness.sg. в а.п. 3 (см. разд. 3а). Иллатива в говоре Куршата явно не было.

(в) Твярячюс (Otrębski 1934: 214–215, 228–229)

	а. п.: 1	2	3	4
ǫ-основы¹⁷:				
sg. iness.	<i>píeni</i>	<i>sodì</i>	<i>kelmì</i>	<i>kumpì</i>
ill.	<i>píenan</i>	<i>sōdan</i>	<i>lungaĩ</i>	<i>kumpaĩ</i>
pl. iness.	<i>tvártuos</i>	<i>vaĩtuos</i>	<i>plaukuōš</i>	<i>daržiuōš</i>
ill.	<i>tvártuosun</i>	<i>vartiuosun</i>	<i>plaukiuosun</i>	<i>daržiuosun</i>

¹⁴ В nom.sg.: *tiltas* ‘мост’, *bùtas* ‘квартира’, *kótas* ‘древко’, *krāštas* ‘край’, *laũkas* ‘поле’, *vaĩdas* ‘имя’, *namaĩ* (pl.) ‘дом’.

¹⁵ Формы на *-snà* вполне могут быть недопустимы (LD: 214); в любом случае, они цитируются Куршатом как инодиалектные (Kurschat 1876: 403).

¹⁶ В nom.sg.: *várna* ‘ворона’, *rankà* ‘рука’, *ašakà* ‘кость’, *mergà* ‘дева’.

¹⁷ В nom.sg.: *píenas* ‘молоко’, *tvártas* ‘хлев’, *sōdas* ‘сад’, *vaĩtai* (pl.) ‘ворота’, *kėlmas* ‘пень’, *lángas* ‘окно’, *pláuкас* ‘волос’, *kaĩpas* ‘угол’, *daržas* ‘огород’. Формы даём в частично транспонированном виде, сохраняя лишь фонологически значимые отличия (например, *ruĩkon* ‘в руку’ вм. *ruĩkã* при литер. *raĩkon*, но *trobòsun* ‘в избы’ вм. *trãbãsun*). За диалектной записью отсылаем к указанным работам.

ā-основы¹⁸:

sg. iness.	<i>sáujoj</i>	<i>ruñkoj</i>	<i>galvõj</i>	<i>krūvõj</i>
ill.	<i>sáujon</i>	<i>ruñkon</i>	<i>galvõn</i>	<i>krūvõn</i>
pl. iness.	<i>jienosu</i>		<i>žarnosù</i>	<i>šakosù</i>
	<i>jienosuj</i>	<i>ruñkosuj</i>	<i>žarnosuj</i>	<i>šakosuj</i>
ill.	<i>jienosun</i>	<i>runkósun</i>	<i>trobósun</i>	<i>šakósun</i>

На месте литературного исхода iness.pl. *-se* выступают *-su*, *-suj*, а на месте ill.pl. *-sna* – *-sun*. Ударение форм ill.pl. в а.п. 2 сдвинуто с корня по закону де Соссюра и расходится с данным выше «литературным» (специально об этом см. Otrębski 1956: 77).

(г) Гервяты (Kardelytė 1975: 43–48)

	а.п.: 1	2	3	4
<i>õ</i> -основы ¹⁹ :				
sg. iness.	<i>šóni</i>			<i>darži</i>
ill.				<i>daržanà</i>
	<i>šónan</i>	<i>mėdžian</i>	<i>daiktañ</i>	<i>daržañ</i>
pl. iness.		<i>mėtuosa</i>		<i>daržuõsa</i>
	<i>krúmuosuj</i>	<i>mĩestosu</i>		<i>daržuõsu</i>
ill.	<i>šónuosan</i>			<i>daržuõsan</i>
				<i>daržuõsun</i>
				<i>daržuõsna</i>

ā-основы²⁰:

sg. iness.		<i>dirvoj</i>	<i>galvõj</i>	
			<i>galvõ</i>	
ill.		<i>(pirkiõna)</i>	<i>galvõna</i> ²¹	
		<i>(pirkiõn)</i>	<i>galvõn</i>	<i>vagõn</i>
pl. iness.			<i>galvõsa</i>	
			<i>galvõsu</i>	
			<i>galvõsuj</i>	
ill.		<i>(dirvõsun)</i>	<i>galvõsan</i>	<i>lubõsan</i> (а.п. 2?)
		<i>(mariõsun)</i>	<i>galvõsun</i>	<i>šakõsun</i>
			<i>galvõsna</i>	

На месте литературного исхода *iness.pl. -se* здесь выступают *-sa, -su(j)*, а кроме *ill.pl. -sna* – ещё *-san, -sun*. В материале слабо представлены формы *ill.pl.* имён а.п. 2, что затрудняет ответ на поставленный выше вопрос о законе де Соссюра: примеров *ǰ-основ* а.п. 2 у нас нет, а обе *ǰ-основы* как будто показывают его действие (т.е. ударение на *-o-*). Однако здесь можно усматривать вторичную подвижность (т.е. переход имён а.п. 2 → 4²²). Свидетельством такого перехода, вероятно, может служить *ill.sg. pirkiðn(a)* ‘в избу’ (при литер. *pirkion* от *pirkià 2*).

При большом числе вариантов в пределах одного из двух местных падежей сами падежи в Гервях различаются тоном: в *iness.pl.* (*daržiðsu* и др.) – обычно циркумфлекс, *ill.pl.* (*daržiúsun* и др.) – обычно акут, причём ударение обычно стоит на предпоследнем слоге (ср. окончное ударение *iness.pl.* в Твярячюсе).

Это не всегда так в числительных: *iness.pl. dviejuðsa, -uðsu, -uðsuj*, но и *dviejuosà* ‘вдвоём’ (Kardelytė 1975: 72), а также (в нарушение указанного распределения) с акутом *keturiuosa* ‘вчетвером’²³ (там же: 133). В описании также указано, что *ill.pl.* иногда производится с циркумфлексом (ср. *mariðsun* в таблице, а также: *beržiðsan, kapuðsun, piršliuðsan, dideliðsan*, Kardelytė 1975: 45 – от ‘берёза’, ‘гроб’, ‘сват’, прил. f. ‘большой’). Эти случаи, вероятно, можно списать на какие-то вторичные эффекты, в т. ч. затухание тона (главным остаётся акут)²⁴.

¹⁸ В *nom.sg.*: *sauja* ‘горсть’, *iena* ‘оглобля’, *rankà* ‘рука’, *galvà* ‘голова’, *žarnà* ‘кишка’, *trobà* ‘изба’, *krūvà* ‘куча’, *šakà* ‘ветка’.

¹⁹ В *nom.sg.*: *šonas* ‘бок’, *krūmas* ‘куст’, *mėdžias* ‘лес’, *mėtai* (pl.) ‘год’, *miestas* ‘город’, *dáiktas* ‘место’ (литер. ‘вещь’), *daržas* ‘огород’.

²⁰ В *nom.sg.*: *dirvà* ‘почва’, *pirkià* ‘изба’, *mārios* (pl.) ‘море’, *galvà* ‘голова’, *vagà* ‘борозда’, *lūbos* (pl.) ‘потолок’, *šakà* ‘ветка’.

²¹ Напечатано «*galvõn(a)*» (т.е. не **galvonà*), ср. ещё пример *amė pirkiðna* ‘идём в избу’ (Kardelytė 1975: 110). При этом, однако, «*ilgõn(à)*» ‘в долгую’ (там же: 55).

²² Для этого говора специально отмечен переход а.п. 1 → 3 (Kardelytė 1975: 46).

²³ Параллельно литер. *keturiese* с акутом на *-ie-* (а не *-uo-*), см. сн. 37.

²⁴ Вообще, полагаются на записи тона в таких позициях можно не всегда. Так, для говора дер. Линкмянис говорится прямо, что на дифтонгах *ie, uo* и долгих монофтонгах тон не различается, как и во многих восточноаукштайтских говорах; примеры: *ill.pl. laukuosan* ‘в поля’, *miškuosan* ‘в леса’ (Kardelytė 1960: 8, 18). Как показывает акустический анализ, это, строго говоря, не вполне верно, однако на слух диалектологи с опознанием интонаций в этих говорах и впрямь зачастую затрудняются (подробности см. в Урбанавичене 2011).

(д) Дятлово (Vidugiris 2004: 140–141, 146, 159)

	а.п.: 1	2	3	4
<i>ǫ-основы</i> ²⁵ :				
sg. iness.	<i>klúone</i>	<i>pirštè</i>	<i>bernè</i>	<i>dievè</i>
ill.	<i>klúonan</i> ²⁶	<i>pirštan</i> ²⁶		<i>daržañ</i>
pl. iness.	<i>výruosa</i> ²⁶ <i>výruos</i>	<i>piřtuosa</i>		<i>laukuosà</i> <i>laukuòš</i>
ill.	<i>výruosna</i>	<i>piřtuosna</i> <i>(metúosna)</i> <i>(sodúosna)</i>	<i>darbuósna</i>	<i>nasrúosna</i> <i>nasruosnà</i>
<i>ā-основы</i> ²⁷ :				
sg. iness.	<i>júostoj</i>	<i>rañkoj</i>	<i>galvōj</i>	<i>bédōj</i>
ill.	<i>júoston</i>	<i>rañkon</i>	<i>galvõn</i>	
pl. iness.	<i>júostosa</i>	<i>rañkosa</i>	<i>galvosà</i>	
ill.	<i>júostosna</i>	<i>rañkosna</i> <i>(rankósna)</i> <i>(rankosnà)</i>	<i>galvósna</i>	

Колебание между *rañkosna* и *rankósna* (Vidugiris 2004: 146, там же другие примеры) может быть связано с законом де Соссюра (тогда в *rankósna* сдвиг), однако наличие варианта *rankosnà*, показывающего явно вторичное ударение (как будто а.п. 2 → 4; в а.п. 2 ударение должно быть «привязано» к корню, т.е. падать на него или на слог правее), сводит на нет и показательность *rankósna*. Поэтому все такие формы (ещё *metúosna*, *sodúosna* в таблице) амбивалентны.

²⁵ В nom.sg.: *klúonas* ‘гумно’, *výras* ‘муж(чина)’, *piřstas* ‘палец’, *bernas* ‘парень’, *dárbas* ‘работа’, *mėtai* (pl.) ‘год’, *sōdas* ‘сад’, *diėvas* ‘бог’, *daržas* ‘огород’, *laũkas* ‘поле’, *nasraĩ* (pl.) ‘пасть’.

²⁶ С колебаниями в а.п. 1 и 2: iness.sg. *krúman* ~ *krūmañ* (*krúmas* 1 ‘куст’), *sōdan* ~ *sodañ* (*sōdas* 2 ‘сад’), iness.pl. *krúmuosa* ~ *krūmuosà*, *sōduosa* ~ *soduosà* (то же для *ā*-основ, Vidugiris 2004: 159). Это явно связано с двумя тенденциями: разрушением неподвижных парадигм и обобщением конечноударности, причём так же асс.pl. *vyrūs* вм. *výrus* (*výras* 1 ‘мужчина’, там же; см. ниже об *ā*-основах). Поэтому гипотеза об изначальном надпарадигматическом ударении на **ná* или (на позднейшей стадии) -*Vñ* с последующим аналогическим выравниванием (Hill 2020: 220) представляется малообоснованной.

²⁷ В nom.sg.: *júosta* ‘пояс’, *rankà* ‘рука’, *galvà* ‘голова’, *bédà* ‘беда’.

(e) Лаздуны (Vidugiris 2014: 112, 118–123)

	а.п.: 1	2	3	4
<i>ǫ</i> -основы ²⁸ :				
sg. iness.	<i>šóni</i>			<i>svirnì</i> (а.п. 2?)
ill.	<i>šónan</i>			<i>keliañ</i>
pl. iness.	<i>šónuosu</i> <i>tvártuosì</i> <i>šónuosà</i>	<i>vařtuosu</i>	<i>daiktuosù</i>	<i>keliuosù</i> <i>varguosì</i> <i>keliuosà</i>
	<i>šónuosųj</i>		<i>daiktuosų</i>	<i>keliuosųj</i>
		<i>mėtuos</i>		
ill.	<i>šónuosun</i> <i>šónuos</i>	<i>svotuōds</i>		<i>keliuosuñ</i> <i>keliuōds</i>
<i>ā</i> -основы ²⁹ :				
sg. iness.	<i>pievoj</i>	<i>ruñkoj</i>	<i>galvōj</i>	
ill.		<i>ruñkon</i>	<i>galvōn</i>	<i>dienōn</i>
pl. iness.	<i>jáujosųj</i>	<i>ruñkosu</i> <i>ruñkosà</i> <i>ruñkosai</i> <i>ruñkosųj</i>	<i>galvosù</i> <i>galvosà</i>	
			<i>galvosųj</i>	
ill.		<i>bālosun</i> <i>runkōsun</i> <i>runkōs</i>	<i>galvosuñ</i>	
			<i>galvōs</i>	

Имеется и ill.pl. на *-na*: *Dūdósna* ‘в Дудос’ (а.п. 3 или 4, судя по iness.pl. *Dūdosu*). Ударение ill.pl. в а.п. 2 как будто колеблется. В значении иллатива употребляются формы инессива, и наоборот (Vidugiris 2014: 114).

Меньше данных из Мелагенай: *tvárti* (1), *miškì* (4); *vartuosun* (2); *patuosu*, *patiuōs* (4), *miškuosù* (4) (Kardelis 2006: 21) – как видно, со сдвигом в ill.pl. в а.п. 2.

²⁸ В ном.sg.: *šonas* ‘бок’, *tvártas* ‘хлев’, *sviřnas* ‘клеть’, *mėtai* (pl.) ‘год’, *svõtas* ‘свят’, *vařtai* ‘ворота’, *dáiktas* ‘место’ (литер. ‘вещь’), *vařgas* ‘тягота’, *kėlias* ‘путь’.

²⁹ В ном.sg.: *pieva* ‘луг’, *jáuja* ‘овин’, *rankà* ‘рука’, *balà* ‘болото’, *galvà* ‘голова’, *dienà* ‘день’.

Итак, имеющиеся примеры для части говоров дают положительный ответ на вопрос, действовал ли закон де Соссюра в ill.pl., причём в части случаев налицо дублиеты, каковые можно списать на общую слабость а.п. 2 (впрочем, в других падежах колебания реже). При этом у Даукши как будто стабильно *rankòsn*, но варианты *màriosn* ~ *mariòsn*. Как бы то ни было, пренебрегать такими формами нельзя.

3. Анализ форм инессива и иллатива

(a) iness.sg.

Формы iness. sg., по общему мнению, основаны на локативе, т.е. **miškoj* > **miškaj* > **miške* + **ėn* > *miškè* ‘в лесу’, причём, очевидно, на стадии, когда дифтонг **oj* > **aj* > **e* (Stang 1966: 183; Zinkevičius 1982: 21; Villanueva Svensson 2020: 32; Hill 2020: 242)³⁰. Сам старый локатив *õ*-основ усматривают в нескольких формах (теперь наречных): *namiė* ‘дома’ (*nāmas* 4), *oriė* ‘на улице’ (*oras* 3 ~ 1 ~ *ōras* 4). В *ā*-основах, ср. *galvojė* ‘в голове’, следов монофтонгизации нет (всегда *-oj*)³¹.

Форма iness. sg. *õ*-основ на *-ė* в прошлом была, видимо, лишь одним из двух вариантов, ср. у Куршата – только для *diėvas* ‘бог’ – особые формы *dievyjė* ~ *dievejė*, у Мажвидаса *dieviejė* (Kurschat 1876: 144; обзор и другие формы см. в Stang 1966: 182; LD: 209). Возможно, остатки того же видим в Гервятах, ср. там *namiė* ‘дома’, но и *namiėje* ‘тж.’ (со вторичным ударением?). Если это архаизм, то можно предположить, что на стыке гласного окончания и гласного послелога стяжение было факультативно: **-ė-ėn* > **-ėn* (со стяжением) и **-ėjėn* (со вставным йотом; другую гипотезу см. в Stang 1966: 182). Стяжение, так или иначе, дало здесь акут (сокращённый затем по закону Лескина).

³⁰ Есть и гипотеза о присоединении **ėn* прямо к основе (Jasanoff 2017: 143–144).

³¹ М. Вильянуэва-Свенссон усматривает рефлексы старых loc.sg. *ā*-основ в наречиях типа *ankstī* ‘рано’, *tolī* ‘далеко’ (< **-ie* < **-āi* < **-ah₂i*, что он обосновывает в т. ч. монофтонгизацией в *dieveris* (3), лтш. *diėveris* ‘деверь’ < **dah₂iwer-*), а уцелевший дифтонг **-āi* в праформах типа iness.sg. **gāluāj* + **ėn* (> *galvojė*) и adess.sg. **gāluāj* + **p(r)i* (> *galvāip*) считает аналогическим (Villanueva Svensson 2016: 175; 2020: 32–33). При этом, по его мысли, сверхдолгие циркумфлексные дифтонги, как в dat.sg. **-āi* < **-ah₂ai*, сохранялись, что несомненно верно. Насколько верна идея о монофтонгизации **-ah₂i*, неясно, ибо представляется вероятным, что **-i-* после ларингала просодически различалось в окончании loc.sg. и в корнях слов типа ‘деверь’ соответственно: вполне может быть, что в loc.sg. не было фонетических условий для монофтонгизации, благодаря произошедшей на какой-то стадии метатонии перед доминантным **-i* (см. также сн. 65).

Неясен также акцентный статус этого нового окончания, ср. в части говоров и у Куршата *iness.sg. kélme* (при общелитовском *kélmė*) от *kélmās* (3) 'пень' (Kurschat 1876: 540; так в жемайтском и части аукштайтского, см. Stang 1966: 298; LD: 209), что может говорить о нетривиальных диалектных различиях в трактовке стяжения.

У основ прочих типов типична апокопа -*ė*, в т. ч. с потерей йота: *sunijė*³² > *sunij* 'в сыне', *galvojė* > *galvōj* 'в голове' (диал. *galvō*); *žolėjė* > *žolėj* 'в траве' (диал. *žolė*); *akijė* > *akj* 'в глазу' (диал. *akj*) (LD: 186; Болотов, Ослон 2019: 71).

(б) *iness.pl.*

Формы *iness.pl.* вызывают споры. В отличие от литературного языка, в диалектах формы *iness.pl.* показывают немалое разнообразие, как в окончании, так и в ударении, причём из описаний не всегда видна чёткая картина. Имеются следующие основные типы форм (ср. LD: 237–239; даём частично сконструированные примеры от слов *miškas* 4 'лес', *galvą* 3 'голова')³³:

	ǫ-основы:		ā-основы:	
(1)	<i>miškuosė</i> ³⁴	<i>miškúose</i>	<i>galvosė</i>	<i>galvósė</i> ³⁵
(2)	<i>miškuosù</i>	<i>miškúosu</i>	<i>galvosù</i>	<i>galvósu</i>
(3)	<i>miškuosà</i>	<i>miškúosa</i>	<i>galvosà</i>	<i>galvósa</i>
(4)	<i>miškuoḥ</i>		<i>galvōḥ</i>	
(5)	<i>miškuosuḥ</i> ³⁶		<i>galvosuḥ</i>	
	<i>miškuosaĩ</i>		<i>galvosaiĩ</i>	

Начнём с ряда форм (2) на *-su*: их считают унаследованными из индоевропейского (ср. др.-инд. *-su/-ṣu*, слав. *-хъ, ср. Rosinas 1999: 178).

³² Эта форма (ещё диал. *-ūjė*) считается вторичной, построенной по аналогии с *iness.sg. i-*основ на **-ije*, теперь *-yjė* (Zinkevičius 1980: 225, 233).

³³ Дать все формы а.п. 2 мы тут не можем, т. к. в LD их часто нет.

³⁴ Сюда отнесём и формы на «-ы»: *miškuosì* и т. п., фонетически менее ясные.

³⁵ Вариант типа *galvósė* (*ā*-основ а.п. 3), часто приводимый со ссылками на LD: 237 и Zinkevičius 1980: 197, на самом деле может быть фиктивным: неясно, где подобные формы могли быть записаны; как бы то ни было, нынешним диалектологам они неизвестны, так что можно предполагать неправомочную нормализацию (в т. ч. искусственное *-se* вм. *-sa*, *-su*) или неверное толкование данных говоров с «вильнюсской» оттяжкой с краткого гласного на долгий (благодарю Б. Ясюнайте и В. Ринкявичюса за эти сведения).

³⁶ Сюда отнесём и формы на «-ыĩ»: *miškuosyĩ* и т. п. (ср. сн. 34).

Что касается первого (литературного) ряда форм (1) на *-sè*, то в своё время считалось, что они продолжают сложение аккузатива с послелогом **-ĕn* (Kazlauskas 1968: 161; LD: 238). Однако против этого высказывается историческое соображение: ввиду наличия синонимичных форм на *-su* (безоговорочно принимаемых за древние; так Stang 1966: 186; см. ниже), формы на *-se* выглядят как явно более новые, причём преобладание первых в части памятников и отсутствие их в основной массе диалектов создаёт впечатление постепенной (хоть и не завершённой) замены старого *-su* новым *-se* (а также *-sa* и др.). В связи с этим формы на *-uose*, *-ose* с некоторых пор считают перестроенными старыми локативами на **-oĭ-su* (ġ-осн.) > **-iesu* → *-uosu*, жем. **-ū(n)su* (по аналогии с ill.pl. *-uosna*, жем. **-ū(n)sna*)³⁷; **-ā-su* (ā-осн.) > *-osu*. Что касается гласного исхода *-e*, то его при такой трактовке считают вторичным – вызванным аналогией с iness.sg. (Zinkevičius 1982: 27–28³⁸)³⁹. Согласно этому взгляду, в центральной Литве «борьба» *-su* и *-se* завершилась в пользу *-se* уже в дописьменный период (у Даукши – уже только *-se*, см. Žilinskaitė 2010: 235–238⁴⁰), тогда как *-su* встречается чуть раньше у Мажвидаса (жемайта) и Виленгаса (североаукштайта) (Zinkevičius 1982: 25–26), а в наши дни – лишь в виленских восточноаукштайтских говорах (в т. ч. в изолированных, за пределами Литвы)⁴¹.

На это следует заметить, что, во-первых, само по себе признание форм на *-su* прямым индоевропейским наследием ровным счётом никак не должно влиять на оценку времени появления форм на *-se*. Во-вторых, формы на *-su* имеются и в современных говорах, а совсем их нет, по большому счёту, там, где вообще нет форм iness.pl. без апокопы (т. е. только *raiņkos*, *galvōs*). Говоры же с апокопой, разумеется, в этом отношении неинформативны. И уж точно сосуществование форм на *-su* и на *-se* (и даже вытеснение первых вторыми – если это правда) не говорит об аналогическом характере исхода *-e*.

³⁷ Кроме числительных типа *keturiesu* (в памятниках), литер. *keturiese* ‘вчетвером’ (с неясным акутом), *toliese ~ toliēse* ‘вдали’.

³⁸ В указанной работе З. Зинкявичюс отказался от своего мнения (что iness.pl = асс.pl. + **ĕn*, LD: 238) и согласился с Хр. Стангом.

³⁹ Можно также отметить, что в «аккузативной» теории смущает семантика: аккузатив с послелогом едва ли мог дать значение положения.

⁴⁰ У Даукши есть формы адессива на *-sump* (Rosinas 1999: 178), но это вполне может быть «третичный» падеж на *-sun* + **pi*.

⁴¹ Но не в ковенском (тоже изолированном) говоре Дятлова (там только *-sa*, о котором см. ниже).

Не вступая в эту полемику, лишь усомнимся в непреложности станговских доводов или хотя бы в их безальтернативности⁴². С одной стороны, если сегмент *-uo-* (точнее – его предок, ср. жем. *-ũ(n)-*) перенесён из иллатива, причём сам иллатив (*-uos-na*, жем. *-ũ(n)s-na*) основан именно на аккумулятиве, каков тогда «материальный» статус этого нового сегмента? Ведь иллатив и инессив явно ударяются по-разному; перенесён ли только гласный или гласный с его просодическими свойствами? Между тем, этот перенос должен быть общевосточнобалтийским (ср. лтш. loc.pl. *õ*-осн. *-uõs*, *ā*-осн. *-âs*⁴³), когда интонировались все слоги (как до сих пор в латышском⁴⁴). С другой стороны, принимая вторичность *-uo-* (жем. *-ũ(n)-*), а также учитывая семантическую неудовлетворительность аккумулятива как «производящего» для инессива, не логичнее ли выводить инессив из другого первичного падежа, но без вторичной замены исхода *-su* → *-se*?

На роль такого падежа напрашивается сам старый локатив, в т. ч. из соображений симметрии с *iness.sg.*, каковой без сомнения состоит из loc. + **ĕn* (ср. также сочетание слав. **vъ* + loc. в том же значении). Для получения *-se* этот подход требует принятия, опять-таки, замены

⁴² Странно, что этот вопрос часто подаётся как закрытый. Так, И. Сержант пишет: «Diese Meinung [Зинкявичюса, о acc.pl. + **ĕn*] hat Stang [...] mit schlagenden Argumenten kritisiert» (Seržant 2004: 63сн.), но чем именно доводы Станга «сокрушительны», нам неясно. У Станга написано буквально следующее: «Dies [acc.pl. + **ĕn*] kann nicht richtig sein, da der Vorläufer der Form *-uosu*, *-ũsu* (*-ysu*) war. Die jetzige Form entstand nicht als eine syntaktische Verbindung vom Akk. Pl. + **en*, sondern als eine Umbildung der älteren Form auf *-uosu* usw. nach dem Lok. Sg. Das Element *uo* usw. muss aus dem Illativ Pl. auf *-uosna* [...] usw. in den Lok. Pl. gedrungen sein nach Analogie des Ill. Pl. **-āsnā*» (Stang 1966: 186). Как видно, это изложение Стангом его реконструкции, а не аргументация за неё. Сержант, далее: «Zu Stangs Erklärung könnte man noch einen formalen Grund hinzufügen: man findet keine Formen vom Typ ***ratuose*/***ratuôsè* (2), wie sie nach Zinkevicius' Erklärung ähnlich wie im Illativ Plural [...] hätten entstehen müssen». Кажется, Сержант имеет в виду, что Зинкявичюс приводит в своём обзоре формы типа *ratuosna*, *ratuosnà* (обе якобы закономерные для имён а.п. 2), но не ***ratuose*/***ratuôsè*. Это верно лишь отчасти: в иллативе формы типа *ratuosna* в говорах действительно могут быть закономерны в а.п. 2, а вот *ratuosnà* может быть лишь следствием вторичной подвижности (т.е. а.п. 2 → 4). В инессиве же форм типа **ratuose* действительно нет, а формы типа *ratuôsè* (явно вторичные, как и *ratuosnà*) встречаются в Дятлове (*sõduosa* ~ реже *soduosà*, от *sõdus* 2 'сад', и др., Vidigiris 2004: 159).

⁴³ Если только в латышском это не рефлекс иллатива (чего, кажется, никто и не предполагает).

⁴⁴ Что касается литовского, то в его предке тон на безударных слогах требуется как предусловие для закона де Соссюра, который иначе не имел бы смысла.

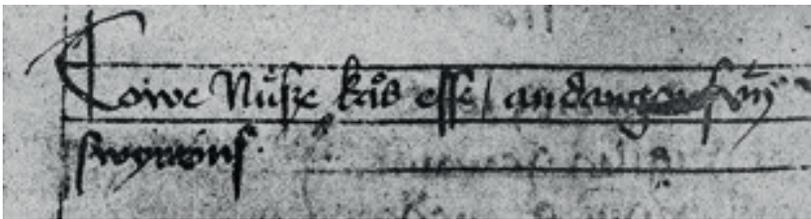
*-oĭ- (> *-ie-?) на -uo- (жем. -ū(n)-), а также нетривиальной звукомены: *-su-ĕn > *-suĕn > *-sĕ^{45, 46}. Подчеркнём, однако, что – чисто формально – единственный прототип, не требующий аналогий, – по-прежнему асс. + *ĕn (подробности см. в разд. бв).

Что касается остальных форм, ряд (3) на -a объясняют разнообразно: иногда это кажется регулярной фонетикой (Гервяты, где обычно *se- > sa-*, Kadelytė 1975: 32–33), вторичным фонетическим эффектом (Zinkevičius 1982: 26) или же смешением с иллативным -na (Villanueva Svensson 2020: 37). «Краткие» формы (4) без гласного, как уже было сказано, являют собой тривиальный результат апокопы *miškuosŃ > miškuōs*. В ряду (5) с дифтонгическим исходом на -ui (=uj), -ai усматривают вторичное наращение, проникшее из iness.sg. (LD: 239).

Колесания (или различия по диалектам) в ударении объясняют смешением с иллативом (например, iness.pl. *miškuose* якобы уподобилось ill.pl. *miškuosna*, Zinkevičius 1982: 29).

⁴⁵ Замечание Сержанта, что это дало бы ***-sve* (Seržant 2004: 63) вряд ли весомо, ср. *sesuō* ‘сестра’ < **suesōr*; *šėšuras* ‘свёкор’ < **sėšuras* < **suesuros* (относительная хронология нашего случая и этих неясна); открытым остаётся вопрос о возможности потери слоговости **su-* > **su-*.

⁴⁶ Ещё одно соображение (которое, однако, скорее всего не имеет силы; приводим его как курьёз). В прусском фрагменте молитвы «Отче наш» имеется форма, читаемая как *andango(n)sven* (Mikalauskaitė 1938) и обычно толкуемая как иллатив (Villanueva Svensson 2020: 25), хотя по значению это явно локатив (инесив), что как раз согласуется с исходом -en. Текст фрагмента:

Towe Nu'esze kās esse andango(n)sven swyntins
'Pater noster qui es in caelis sanctificetur'

Для М. Вильянуэвы-Свенссона это несомненный довод за прабалтийскую древность иллатива (или вообще вторичных местных; ср. также Rosinas 1999: 173). О. Хилль сомневается в верности такого прочтения этой формы и её трактовки как ill.pl. (Hill 2020: 207сн.). В. Смочинский (личное сообщение) считает, что последние буквы – это скорее <swyⁿ>, т. е. начало следующего слова *swyntins*, не влезшего в строку, но не (полностью) зачёркнутого; слишком неясным считал чтение этого текста и Станг (Stang 1966: 230–231).

(в) ill.sg.

Формы ill.sg., по общему мнению, основаны на аккузативе. Апокопа (местами факультативная) в них тривиальна, ср. для *ō-* и *ā-*основ:

iness.sg.	<i>daržanà</i> > <i>daržañ</i>	‘в огород’	(<i>daržas</i> 4)
	<i>*galvonà</i> > <i>galvõn</i>	‘в голову’ и т. д.	(<i>galvą</i> 3)

Происхождение послелога **nā́* туманно; распространено мнение, что он имеет отношение к слав. **na*. Трудность состоит в неизбежности предположения упрощения **-n-n-* на стыке с энклитикой (acc.sg. **daržan + *nā́*), по поводу регулярности которого нет ясности ввиду уникальности этой позиции (Stang 1966: 230, Hill 2020: 216)⁴⁷. Полностью избежать упрощения можно, отказавшись от самого послелога **nā́*: для этого допускают другую клитику – **ā* (Kalniņš 2020: 119; на этом строится новая теория происхождения иллатива: Ostrowski 2021). Для нас это не меняет дела, так как только упрощение **-n-n-* в принципе может быть фонетическим, тогда как все прочие объяснения прибегают к аналогиям, заранее исключая фонетическое развитие, что для нас неприемлемо в свете нашей задачи (проверить именно фонетические правила на материале на предмет регулярности).

В памятниках есть примеры, в которых как будто налицо колебания послелога: *vardana* ~ *vardan* (апокопа) ~ *vardane* ‘во имя’ (LD: 213; Otrębski 1956: 78).

(г) ill.pl.

Формы ill.pl. тоже считают основанными на аккузативе. Они также весьма разнообразны (LD: 212; Vacevičiūtė et al. 2004: 105, 127):

<i>ō-</i> основы:			<i>ā-</i> основы:			
(1)	<i>miškuosnà</i>	<i>miškúosna</i>	<i>miškuõsna</i>	<i>galvosnà</i>	<i>galvósna</i>	<i>galvõsna</i>
(2)		<i>miškúosņ</i>			<i>galvósņ</i>	
(3)	<i>miškuõs</i>	<i>miškúos</i>		<i>galvõs</i>	<i>galvós</i>	
(4)		<i>miškúosnan</i>	<i>miškuõsnan</i>		<i>galvósnan</i>	<i>*galvõsnan</i>
		<i>miškúosan</i>	<i>miškuõsan</i>		<i>galvósan</i>	<i>*galvõsan</i>
		<i>miškúosen</i>	<i>miškuõsen</i>		<i>galvósen</i>	<i>galvõsen</i>
	<i>miškuosuñ</i>	<i>miškúosun</i>		<i>galvosuñ</i>	<i>galvósun</i>	

⁴⁷ Станг обосновывает упрощение якобы подобным случаем в основе глагола *žinóti* ‘знать’, возводимой им (видимо, через **žinnā-*) к **ǵn-nā-*, что вряд ли верно (о чём также О. Хилль, там же; подробности см. в SEJL: s. v. *žinóti*).

Среди этих форм сегментно выделяются: (1) формы без апокопы *-na*; (2) формы с «частичной» апокопой (*-n*); (3) с полной апокопой (исчезновением послелого), совпадающие с кратким инессивом (*miškuōds*); (4) «двухслойные» формы, кажется, основанные на инессиве или на иллативе с добавлением послелого (с апокопой). Последняя группа представлена в памятниках также непрозрачными формами на *-sni*, *-sne* (LD: 213).

Ударение здесь, как видно, разнообразно. Формы с циркумфлексом на *-iōšna*, *-ōšna* приводятся, кажется, только Яблонским и у Зинкявичюса вызывают сомнение (LD: 214).

4. Умозрительные прототипы вторичных падежей

В распределении форм и значений четырёх вторичных падежей бросается в глаза асимметрия: послелог *-pi* сочетается с двумя первичными падежами (loc.⁴⁸ и gen.), что соответствует значениям положения (адессив) и направления (аллатив), а остальные послелого – каждый лишь с одним первичным падежом (не всегда ясным).

Направительная пара к инессиву (*miškè* ‘в лесу’) – иллатив (*miškaĩ* ‘в лес’), причём, по общему мнению, они образованы разными послелогом – **-ėn* ‘в’ и **-nā* ‘на’ (?) соответственно. Таким образом, послелог **-ėn* имел, согласно такой схеме, только значение положения, а **-nā* – только направления. Это странно ввиду значения предлога *i* + асс. ‘в’ (направление).

Из чисто интуитивных соображений эта асимметрия наводит на мысль о наличии ещё двух «прападежей»: одного – со значением направления, образывавшего пару к инессиву, а другого – со значением положения, парой к которому был иллатив. Пренебрегая историческими соображениями (впрочем, едва ли слишком вескими, см. разд. 3б), с формальной точки зрения можно вообразить следующие шесть вторичных падежей (три пары «положение : направление»):

адессив (adess.)	‘при чём?’	= loc. ⁴⁸ + <i>*pi</i>
аллатив (all.)	‘к чему?’	= gen. + <i>*pi</i>
инессив (iness.)	‘в чём?’	= loc. + <i>*ėn</i>
иллатив* (ill*.)	‘во что?’	= асс. + <i>*ėn</i>
суперессив* (superess*.)	‘на чём?’	= loc. + <i>*nā</i>
суперлатив* (superl*.)	‘на что?’	= асс. + <i>*nā</i>

⁴⁸ Или dat. (см. сн. 3), но эту гипотезу мы дальше не рассматриваем.

Как видно, мы ввели «суперессив*» (loc. + **ná*) и «иллатив*» (acc. + **én*), а традиционный илллатив (acc. + **ná*) переименовали в «суперлатив*»⁴⁹. Как введённые нами, так и переименованные падежи пишем со звёздочкой (т.е., например, «иллатив*», но «иллатив» – в традиционной терминологии и синхронно).

Такая «реконструкция» кажется возможной для состояния, когда сочетания первичных падежей и послелогов (условно: предлогов, поставленных в постпозицию) были свободными. Об этом, возможно, говорит и наличие «двухслойных» вторичных (т.е. «третичных») падежей (Болотов, Ослон 2019, 76). Третичными являются и формы «двойного аллатива» типа *miškuosnan* (см. разд. 3г). Такие формы (гибридные?) мы здесь разбирать не будем, а рассмотрим только собственно вторичные (с одним послелогом). Нас занимает только формальная сторона дела – мы попытаемся вывести эти формы, строго применив несколько звукомен к их гипотетическим праформам (рассматриваем только *ǝ*- и *ā*-основы).

Сама идея расширения падежного праинвентаря диктуется исключительно наличием описанных необъяснённых акцентных вариантов инессива и илллатива (в традиционной терминологии). Посмотрим, что даст наша абстрактная расширенная «реконструкция» для их объяснения. Скажем, могут ли формы ill.pl. *galvosnà*, *galvosna* регулярно отражать некие разные сущности? Таким образом, в качестве посылки примем возможность сочетания с обоими послелогам (**én*, **ná*) и локатива, и аккузатива, взяв на вооружение ограниченный набор чисто фонетических законов и безусловно постулируя праформы, порождённые исходя лишь из упомянутой посылки.

5. Звукомены и их порядок

Будем рассматривать стадии, каждая из которых определяется действием следующих упорядоченных фонетических законов:

(1) николаевская метатония:

«оттяжка тона» на слог (точнее: мору) влево в определённых условиях; на этом левом слоге переход акута в циркумфлекс⁵⁰;

⁴⁹ Эти рабочие названия с приставкой «супер-» имеют смысл, только если здесь действительно кроется нечто связанное со славянским *na*.

⁵⁰ Это явление было впервые обосновано в работе Николаев 1989. Суть его сводится к следующему: в рамках «теории валентностей» рецессивный акут перед доминантным следующим слогом переходит в циркумфлекс, приобретая «вто-

- (2) закон де Соссюра:
сдвиг на слог вправо с неакута на акут⁵¹;
- (3) закон Лескина:
сокращение конечного акута⁵²;
- (4) синкопа (апокопа) первого заударного гласного *-u-*, *-i-*:
ударный слог прежний: акут на долготях и дифтонгах⁵³;
- (5) апокопа конечного ударного слога (в т. ч. синкопа гласного):
новоударный слог: циркумфлекс на долготях и дифтонгах⁵⁴;
- (6) позднее отпадение согласных (*-Vms > -Vm*; *-Vp > -V* и др.):
устранение остатков послелогов⁵⁵.

ричную доминантность» (это последнее нужно распространить на любые рецессивные, в т. ч. краткие слоги), ср. суффиксальные производные типа лит. *stõtas* (2) 'стан, фигура' от *stõti* 'стоять' при лтш. *stât* (где прерывистая инонция указывает на рецессивность). На уровне конкретных слов имеются исключения (и немало), однако само явление «николаевской метатонии» представляется реальным.

⁵¹ Это несомненная фонетическая звукомена: в литовском любое неакутовое ударение сдвигается на следующий акутовый слог. Сдвига не ожидается, если заударный слог содержит вторичный циркумфлекс из метатонии, в т. ч., например, dat.pl. *raĩkoms* 'руками' (где во втором слоге циркумфлекс – из метатонии перед доминантным *-mus*, см. посвящённую этому статью Болотов, Ослон 2019; о фонологизации итогов закона де Соссюра см. Андронов 2021).

⁵² Любой конечный слог (по крайней мере, в неоднослогах), для которого ясно, что он был акутовым, краток. Это сокращение произошло до **ã > o*, ибо **nagã* даёт *nagà*, а не ***nago*.

⁵³ Пункты (4) и (5) – это «правило Лескина-Отрембского-Смочиньского» (предложенное в Болотов, Ослон 2019: 69). Если падение первого заударного гласного приводит к смещению слогораздела, то в новозакрытом ударном слоге, содержащем долгий монофтонг или дифтонг (в т. ч. новый), возникает акут. Этот акут (ударная первая мора) на новых дифтонгах сигнализирует, что ударение осталось на старом месте, ср. лит. диал. асс. sg. *šũlnj < šũlinj* 'колодец'. В системе склонения это соображение (распространённое на поведение долгих монофтонгов) объясняет, например, форму all. sg. *miškõp* 'к лесу' < **miškõpi* (Болотов, Ослон 2019: 68–69, 78–79). Конкретно это высказано независимо от нас также в Kortlandt 2019: 109 (мы не видели этой статьи до выхода нашей).

⁵⁴ Циркумфлекс на долгих монофтонгах и дифтонгах (в т. ч. новых; ударная вторая мора) после синкопы/апокопы сигнализирует, что раньше ударна была непосредственно следующая (павшая) мора. Благодаря этому различаются dat.pl. *galvõms* (< **galvõmus*) и диал. instr.pl. *galvõms* (< *galvomis*). Апокопируются и безударные слоги (например, *raĩkose > raĩkos* 'в руках').

⁵⁵ Это может приводить к замене акута на циркумфлекс (в конечных открытых слогах акут чаще всего запрещён); так может объясняться *namõ* 'домой' < *namõp* < **namõpi* (SEJL s. v. *namõ*; возражения: Villanueva Svensson 2017: 122–124).

Синкопы и апокопы (и связанное с ними правило Лескина-Отрембского-Смочиньского) – недавний процесс, начавшийся или продолжавшийся в историческое время, ср. пример синкопы безударного *-i-*: *kėlnės* ‘штаны’ при диал. (Девянишкес) *kėlinės* (без синкопы и в старых словарях)⁵⁶; этот процесс поныне активен, ср. в новых заимствованиях: *páltas* ‘пальто’ наряду с *pālitas* (из блр. *palimó*). Синкопа ударного гласного в *instr.pl. -mīs* началась ещё позже, ибо состояние, зафиксированное литовской литературной нормой, отражает уже только *dat.pl. galvoms* (< **galvōmus*; разг. *galvóm*), но ещё только *instr.pl. galvomīs* (при диал. *galvōms*, разг. *galvōm*)⁵⁷.

Начнём с того, что именно этот набор мен объясняет формы типа *dat.pl. galvoms* и *raĩkoms*, в которых в историческое время (после Даукши) произошла синкопа гласного («апокопа слога») *-mus* > *-ms*, породившая, по нашей схеме, перед собой вторичный акут. Покажем, как действуют перечисленные правила на дативе (*dat.pl.*) и инструментале (*instr.pl.*)^{58,59}:

⁵⁶ Заметим, что лит. *vėlnias* ‘чёрт’ (с неясной йотацией) при диал. (Девянишкес, Гервяты и др.) *vėlinas* (Даукша *vėlinas*) соответствует лтш. *vēl̃ns* < (?) **vėl̃ins*, где такая же синкопа прошла независимо, но при этом налицо не ожидаемая в таких случаях нисходящая (см. Endzelin 1899: 265), а плавная интонация. Это может объясняться вторичной рифмой во фразеологизме *mē̃l̃ns kā vē̃l̃ns* ‘синий как чёрт’ (так, кажется, Karulis 2002 II: 504).

⁵⁷ Ещё новее, видимо, выпадение *-a-* в окончании *-as* в жемайтском и смежных с ним аукштайтских говорах, ср. в таких говорах *sėns* ‘старый’ < *sėnas*, однако с сохранением циркумфлекса на долгом монофтонге *vũns* ‘вино’ < *vũnas* (параллельно в латышском: ср. лтш. *sēns* ‘старый’ < **sēnas* без смены интонации). Региональный характер этой синкопы исключает прямо её сравнение с *dat.pl. -ōms* < **-āmus* (где налицо общелитовская синкопа).

⁵⁸ Правила применяем к праформам литовских слов: *rankà* (2) ‘рука’, *galvà* (3) ‘голова’, *nagà* (4) ‘копыто’; *pir̃stas* (2) ‘палец’, *kėl̃mas* (3) ‘пень’, *mišk̃as* (4) ‘лес’.

⁵⁹ Обозначения валентностей:

	Тоны:	
+	первично-доминантная	ˈ доминантный (ударный) акут
-	рецессивная	˘ рецессивный (безударный) акут
±	вторично-доминантная	˜ доминантный (ударный) циркумфлекс
		ˑ краткостное ударение

«Ударный» слог определяется контурным правилом: первый (считая слева) доминантный (в т. ч. вторично-). В наших выведениях ниже на начальной стадии знаками отражаем именно доминантность и рецессивность, затем на стадиях (1–2) наш знак «˘» значит ‘ударный акут’, а «ˑ» – ‘безударный акут’ (безударный циркумфлекс не обозначаем), а со стадии (3) мы применяем обычные литовские знаки. Жирным выделяем литературные формы (в т. ч. и ‘литературные’).

Применяем подряд все пять правил:

nom.sg.	<i>*rañkǎ́</i> (2)	<i>*gǎluǎ́</i> (3)	<i>*nagǎ́</i> (4)
dat.pl.	<i>*rañkǎ́m̄s</i>	<i>*gǎluǎ́m̄s</i>	<i>*nagǎ́m̄s</i>
1) метат.	<i>*rañkǎ́m̄s</i>	<i>*gǎluǎ́m̄s</i>	<i>*nagǎ́m̄s</i>
2) Сосс.	<i>*rañkām̄s</i>	<i>*gǎluām̄s</i>	<i>*nagām̄s</i>
3) Леск.	<i>*rañkām̄s</i>	<i>*galvām̄s</i>	<i>*nagām̄s</i>
4) синк.	<i>rañkoms</i>	<i>galvóms</i>	<i>nagóms</i>
5) апок.	<i>rañkom(s)</i>	<i>galvóm(s)</i>	<i>nagóm(s)</i>

Итак, начав с **-ǎ́-m̄s* (рецессивный акут в исходе основы, доминантное окончание), метатонией получаем **-ǎ́-m̄s* (вторично-доминантный циркумфлекс), затем синкопой – *-óms* (снова акут, не вызвавший действия закона де Соссюра, ибо тот прошёл раньше)⁶⁰.

nom.sg.	<i>*rañkǎ́</i> (2)	<i>*gǎluǎ́</i> (3)	<i>*nagǎ́</i> (4)
instr.pl.	<i>*rañkǎ́m̄s</i>	<i>*gǎluǎ́m̄s</i>	<i>*nagǎ́m̄s</i>
1) метат.	<i>*rañkǎ́m̄s</i>	<i>*gǎluǎ́m̄s</i>	<i>*nagǎ́m̄s</i>
2) Сосс.	<i>*rañkām̄s</i>	<i>*gǎluām̄s</i>	<i>*nagām̄s</i>
3) Леск.	<i>*rañkām̄s</i>	<i>*galvām̄s</i>	<i>*nagām̄s</i>
4) синк.	<i>rañkoms</i>	<i>galvóm̄s</i>	<i>nagóm̄s</i>
5) апок.	<i>rañkom(s)</i>	<i>galvôm(s)</i>	<i>nagôm(s)</i>

⁶⁰ На этот акут обратил внимание А. Бещенбергер в примечании к статье Epszelin 1899: 266сн. (**mergóm[us]*); неясно, имелась ли ввиду связь акута и синкопы). С опозданием мы обнаружили, что решение этой проблемы первым, видимо, нащупал (или предугадал) Й. Казлаускас (Kazlauskas 1968: 167–168). Он понял, что в dat.pl. *galvóms* < *galvóm̄s* место ударения старше, чем в диал. instr.pl. *galvóm̄s* < *galvóm̄s* (так как ***galvóm̄s* тоже дало бы *galvóm̄s*), однако, не остановившись на этом, он всё же попытался вывести ударение *galvóm̄s* из древнего **galvóm̄s*. При этом он прибег к объяснению в духе регистровых (он пишет: «музыкальных») тонов: при оттяжке ударения с конечного **-m̄s* на предыдущем слоге должен был возникнуть высокий (!) тон. Конечно, в деталях это объяснение расхочется с нашим, но важно само осознание им вторичности этого акута и идея, близкая к будущей теории балто-славянской (николаевской) метатонии. Казлаускас не касается проблемы недействия закона де Соссюра в формах а.п. 2 типа *rañkoms*, но очевидно, что он подошёл вплотную к её решению.

Отличие instr.pl. от dat.pl. состоит в акутированности окончания *-mĩs, вызвавшего метатонию, перетянувшего на себя ударение по закону де Соссюра, а затем сократившегося по закону Лескина.

Применим этот подход к обсуждаемым вторичным падежам.

6. Выведение форм вторичных падежей

Будем механически применять все правила исходя из праформ: асс. + *ėn, асс. + *nā, лос. + *ėn, лос. + *nā – для ė- и ā-основ, сначала в единственном, потом во множественном числе. Часть форм при этом окажутся совершенно чуждыми литовскому языку, но большинство прочих будут достаточно узнаваемы.

(а) единственное число, отаккузативные

Сначала добавим к аккумулятиву *ėn (эти воображаемые формы, по нашей схеме, могли выражать направление «в»: иллатив*):

nom.sg.	*piřstas (2)	*kēlmas (3)	*miřkas (4)
ill*.sg.	*piřstān-ėn	*kēlman-ėn	*miřkan-ėn
1) метат.	*piřstānėn	*kēlmānėn	*miřkānėn
2) Сосс.	*piřstanėn	*kēlmanėn	*miřkanėn
3) Леск.	*piřstane	*kelmanė	*miřkanė
4) синк.	*piřstane	*kelmanė	*miřkanė ⁶¹
5) апок.	piřstan	kelmañ	miřkañ

nom.sg.	*rañkā (2)	*gāluā (3)	*nagā (4)
ill*.sg.	*rañkān-ėn	*gāluān-ėn	*nagān-ėn
1) метат.	*rañkānėn	*gāluānėn	*nagānėn
2) Сосс.	*rañkānėn	*gāluānėn	*nagānėn
3) Леск.	*rañkāne	*gāluāne	*nagāne
4) синк.	rañkon	galvõn	nagõn
5) апок.	rañkon	galvõn	nagõn

⁶¹ Ср., если сюда, *vardane* 'во имя' в библии Хылинского (см. разд. 3в).

Теперь прирастим к аккузативу **nâ* (предположительно направление «на», суперлатив*)⁶²:

nom.sg.	<i>*piřštas</i> (2)	<i>*kêlmas</i> (3)	<i>*miřkas</i> (4)
superl*.sg.	<i>*piřštan-nâ</i>	<i>*kêlman-nâ</i>	<i>*miřkan-nâ</i>
1) метат.	<i>*piřštâ(n)nâ</i>	<i>*kêlmâ(n)nâ</i>	<i>*miřkâ(n)nâ</i>
2) Сосс.	<i>*piřšanâ</i>	<i>*kêlmanâ</i>	<i>*miřkanâ</i>
3) Леск.	<i>piřšana</i>	<i>kelmanâ</i>	<i>miřkanâ</i>
4) синк.	<i>piřšana</i>	<i>kelmanâ</i>	<i>miřkanâ</i>
5) апок.	<i>piřšan</i>	<i>kelmañ</i>	<i>miřkañ</i>

nom.sg.	<i>*rañkâ</i> (2)	<i>*gâlũâ</i> (3)	<i>*nagâ</i> (4)
superl*.sg.	<i>*rañkân-nâ</i>	<i>*gâlũân-nâ</i>	<i>*nagân-nâ</i>
1) метат.	<i>*rañkâ(n)nâ</i>	<i>*gâlũâ(n)nâ</i>	<i>*nagâ(n)nâ</i>
2) Сосс.	<i>*rañkânâ</i>	<i>*gâlũânâ</i>	<i>*nagânâ</i>
3) Леск.	<i>*rañkâna</i>	<i>*gâlũânâ</i>	<i>*nagânâ</i>
4) синк.	<i>rañkona</i>	<i>galvonâ</i>	<i>nagonâ</i>
5) апок.	<i>rañkon</i>	<i>galvõn</i>	<i>nagõn</i>

Как видно, по апокопе наш воображаемый иллатив* тривиальнейшим образом сливается с суперлативом*, давая синхронный иллатив, т.е. отаккузативные падежи с двумя воображаемыми послелогом по апокопе не могли не нейтрализоваться (но до апокопы, возможно, различались, если так толковать *vardane* 'во имя', см. разд. 3в).

(б) единственное число, отлокативные

Окончания локатива изначально двусложны: **-o-i*, **-ah₂-i*; во втором из них, видимо, ожидается акут. Если **-i* доминантно, то всё ставшее односложным окончание получило некую вторичную доминантность (ср. Дыбо 2014: 37). Для дальнейшего изложения итоговая интонация и доминантность-рецессивность здесь не имеют значения (лишь бы не первично-доминантный акут), ибо в наших выведениях (с после-

⁶² Здесь применяется недоказуемая звукомена: упрощение **-nn-* (см. разд. 3в).

логами *-ė́n, *-ná) наша схема даст один результат (но будем ставить минус). Сначала добавим к локативу *ė́n (положение «в»: инессив):

nom.sg.	* <i>piřstas</i> (2)	* <i>kė́lmas</i> (3)	* <i>miřkas</i> (4)
iness.sg.	* <i>piřstė́-ė́n</i>	* <i>kė́lmė́-ė́n</i>	* <i>miřkė́-ė́n</i>
1) метат.	* <i>piřstė́-ė́n</i>	* <i>kė́lmė́-ė́n</i>	* <i>miřkė́-ė́n</i>
2) Сосс.	* <i>piřstė́jė́n</i> или * <i>piřstė́n</i>	* <i>kė́lmė́jė́n</i> или * <i>kė́lmė́n</i>	* <i>miřkė́jė́n</i> или * <i>miřkė́n</i>
3) Леск.	* <i>piřstiejė́</i> или * <i>piřstė́</i>	* <i>kė́lmiejė́</i> или * <i>kė́lmė́</i>	* <i>miřkiejė́</i> ⁶³ или * <i>miřkė́</i>
4) синк.	<i>piřstė́</i>	<i>kė́lmė́</i> ⁶⁴	<i>miřkė́</i>
5) апок.	<i>piřstė́</i>	<i>kė́lmė́</i>	<i>miřkė́</i>

nom.sg.	* <i>raĩkà</i> (2)	* <i>gàluà</i> (3)	* <i>nagà</i> (4)
iness.sg.	* <i>raĩkàjė́-ė́n</i>	* <i>gàluàjė́-ė́n</i>	* <i>nagàjė́-ė́n</i>
1) метат.	* <i>raĩkàjė́-ė́n</i> ⁶⁵	* <i>gàluàjė́-ė́n</i>	* <i>nagàjė́-ė́n</i>
2) Сосс.	* <i>raĩkàjė́n</i>	* <i>gàluàjė́n</i>	* <i>nagàjė́n</i>
3) Леск.	* <i>raĩkàjė́</i>	* <i>gàluàjė́</i>	* <i>nagàjė́</i>
4) синк.	<i>raĩkoje</i>	<i>galvoje</i>	<i>nagoje</i>
5) апок.	<i>raĩkoj</i>	<i>galvòj</i>	<i>nagòj</i>

Как видно, мы получили обычные формы инессива. Для объяснения остатков дублетов⁶³ допускаем нежелательную «бифуркацию» (без которой пришлось бы дать разные праформы). Однако, очевидно, воз-

⁶³ У Куршата: *dieviejė́* (см. разд. 3а).

⁶⁴ Не учитываем неясную нам форму Куршата *kė́lme* (см. разд. 3а).

⁶⁵ Ещё раз подчеркнём, что николаевская метатония в этой и подобных формах чисто фонетически объясняет циркумфлекс на месте «ожидаемого» акута в конце основы (почему и нет действия закона де Соссюра). Привлечение аналогий и предположение о «замене» акута на циркумфлекс (Villanueva Svensson 2020: 34) здесь совершенно излишне («неясным» положение называет Hill 2021: 242). Другое дело – что метатония (и вообще «тональная теория») остаются за рамками подходов О. Хилля и М. Вильянуэвы-Свенссона (хотя последний пишет «the now [...] standard ‘Moscow school’ framework», Villanueva Svensson 2020: 15сн.).

можны и другие гипотетические решения (разная степень опрощенности, диалектные различия и т. д.).

Теперь прирастим к локативу **ná* (положение «на»: суперессив*):

nom.sg.	* <i>piřstas</i> (2)	* <i>kēlmas</i> (3)	* <i>miřkas</i> (4)
superess*.sg.	* <i>piřstē-ná</i>	* <i>kēlmē-ná</i>	* <i>miřkē-ná</i>
1) метат.	* <i>piřstēnā</i>	* <i>kēlmēnā</i>	* <i>miřkēnā</i>
2) Сосс.	* <i>piřstēnā</i>	* <i>kēlmēnā</i>	* <i>miřkēnā</i>
3) Леск.	* <i>piřstiena</i>	* <i>kelmienā</i>	* <i>miřkienā</i>
4) синк.	* <i>piřstiena</i>	* <i>kelmienā</i>	* <i>miřkienā</i>
5) апок.	* <i>piřstie(n)</i>	* <i>kelmiē(n)</i>	* <i>miřkiē(n)</i>

nom.sg.	* <i>rañkā</i> (2)	* <i>gāluā</i> (3)	* <i>nagā</i> (4)
superess*.sg.	* <i>rañkāi-nā</i>	* <i>gāluāi-nā</i>	* <i>nagāi-nā</i>
1) метат.	* <i>rañkāinā</i>	* <i>gāluāinā</i>	* <i>nagāinā</i>
2) Сосс.	* <i>rañkāinā</i>	* <i>gāluāinā</i>	* <i>nagāinā</i>
3) Леск.	* <i>rañkaina</i>	* <i>galvainā</i>	* <i>nagainā</i>
4) синк.	* <i>rañkaina</i>	* <i>galvainā</i>	* <i>nagainā</i>
5) апок.	* <i>rañkai(n)</i>	* <i>galvai(n)</i>	* <i>nagai(n)</i>

Что касается *ǫ*-основ, то фонетически подобные формы с трифтонгическим исходом *-iēn* регулярно (но не везде) теряют третью мору (ср. *diēn* ~ диал. *diē* 'день' [в обстоятельственных оборотах] < *dienā* или асс. *diēnq* 'день'⁶⁶, в т. ч. в сложениях: *kasdiēn* ~ диал. *kasdiē* 'каждый день'). Более того, имеется наречие диал. *numiēn* 'дома' (LD: 405–406) при обычном *namiē*. Ничего не утверждая, заметим лишь, что такие формы неотличимы от того, что считают старым локативом (в т. ч. *namiē*).

Полученные же формы (суперэссива*) *ā*-основ в литовском неизвестны (и работают против нашей схемы).

⁶⁶ Здесь не возникает акут (***dien*), поскольку это совсем поздняя апокопа (как в *vūns* < *vūnas* 'вино', см. сн. 57)

(в) множественное число, отаккузативные

Сначала к аккузативу прибавим **-ėn* (движение «в»: иллатив*):

nom.sg.	* <i>piřstas</i> (2)	* <i>kėlmas</i> (3)	* <i>miřkas</i> (4)
ill*.pl.	* <i>piřstōns-ėn</i>	* <i>kėlmōns-ėn</i>	* <i>miřkōns-ėn</i>
1) метат.	* <i>piřstō(n)sėn</i>	* <i>kėlmō(n)sėn</i>	* <i>miřkō(n)sėn</i>
2) Сосс.	* <i>piřstō(n)sėn</i>	* <i>kėlmō(n)sėn</i>	* <i>miřkō(n)sėn</i>
3) Леск.	* <i>piřstuosė</i> (*-ūn-)	* <i>keltuosė</i> (*-ūn-)	* <i>miřkuosė</i> (*-ūn-)
4) синк.	<i>piřstuose</i> (-ūn-)	<i>keltuosė</i> (-ūn-)	<i>miřkuosė</i> (-ūn-)
5) апок.	<i>piřstuos</i> (-ūn-)	<i>keltuōs</i> (-ūn-)	<i>miřkuōs</i> (-ūn-)

nom.sg.	* <i>rañkà</i> (2)	* <i>gàluà</i> (3)	* <i>nagà</i> (4)
ill*.pl.	* <i>rañkàs-ėn</i>	* <i>gàluàs-ėn</i>	* <i>nagàs-ėn</i>
1) метат.	* <i>rañkàsėn</i>	* <i>gàluàsėn</i>	* <i>nagàsėn</i>
2) Сосс.	* <i>rañkàsėn</i>	* <i>gàluàsėn</i>	* <i>nagàsėn</i>
3) Леск.	* <i>rañkàsė</i>	* <i>galvāsė</i>	* <i>nagàsė</i>
4) синк.	<i>rañkose</i>	<i>galvosė</i>	<i>nagosė</i>
5) апок.	<i>rañkos</i>	<i>galvōs</i>	<i>nagōs</i>

Теперь к аккузативу – **nà* (движение «на»: суперлатив*):

nom.sg.	* <i>piřstas</i> (2)	* <i>kėlmas</i> (3)	* <i>miřkas</i> (4)
superl*.pl.	* <i>piřstōns-nà</i>	* <i>kėlmōns-nà</i>	* <i>miřkōns-nà</i>
1) метат.	* <i>piřstō(n)snà</i>	* <i>kėlmō(n)snà</i>	* <i>miřkō(n)snà</i>
2) Сосс.	* <i>piřstō(n)snà</i>	* <i>kėlmō(n)snà</i>	* <i>miřkō(n)snà</i>
3) Леск.	* <i>piřstuosna</i> (*-ūn-)	* <i>keltuosnà</i> (*-ūn-)	* <i>miřkuosnà</i> (*-ūn-)
4) синк.	<i>piřstuosna</i> (-ūn-)	<i>keltuosnà</i> (-ūn-)	<i>miřkuosnà</i> (-ūn-)
5) апок.	<i>piřstuos(ŋ)</i> (-ūn-)	<i>keltuōs(ŋ)</i> (-ūn-)	<i>miřkuōs(ŋ)</i> (-ūn-)

(продолжение)

nom. sg.	* <i>rañkâ</i> (2)	* <i>gâlũá</i> (3)	* <i>nagá</i> (4)
superl* .pl.	* <i>rañkâs-nâ</i>	* <i>gâlũâs-nâ</i>	* <i>nagâs-nâ</i>
1) метат.	* <i>rañkâsnâ</i>	* <i>gâlũâsnâ</i>	* <i>nagâsnâ</i>
2) Сосс.	* <i>rañkâsnâ</i>	* <i>gâlũâsnâ</i>	* <i>nagâsnâ</i>
3) Леск.	* <i>rañkâsna</i>	* <i>galvâsna</i>	* <i>nagâsna</i>
4) синк.	<i>rañkosna</i>	<i>galvosna</i>	<i>nagosna</i>
5) апок.	<i>rañkos(ŋ)</i>	<i>galvôs(ŋ)</i>	<i>nagôs(ŋ)</i>

Все полученные формы засвидетельствованы. При этом иллатив* и суперлатив* тривиальным образом получают параллельное ударение: послелог, плотно прилегающий к окончанию аккузатива, метатонирует его (ликвидируя условия для сдвига по закону де Соссюра).

(г) множественное число, отлокативные

Прежде чем перейти к отлокативным падежам (инессив, суперэссив*), необходимо пристальнее рассмотреть сам локатив. Коль скоро мы исходим из теории индоевропейских акцентных валентностей, обогатённой теорией балто-славянской метатонии, то надо определиться с валентностью этого loc.pl. *-su*. Если вписать в неё плюс [=первичную доминантность] (подобно тому, как мы, кажется, обоснованно делаем в dat.pl. *-mus*, от какого зависит вся наша схема), то мы не получим форм типа *galvosù*, ибо там ожидалась бы метатония **galvâsu*, и этот циркумфлекс остался бы на месте. Если же мы в неё впишем минус (в чём нет ничего невообразимого ввиду др.-рус. *лѡдѣхъ*, ср. рус. *на людях*), то будут ожидаемы несуществующие формы типа ***gâlvosu*⁶⁷. Более того, сама форма *galvosù*, считай мы её исконной (а не особым диалектным рефлексом некоего *-*suN̄*), с полной неизбежностью подразумевает акут в конечном слоге в силу закона де Соссюра, т.е. какое-то *-*sú* (и потом по закону Лескина: *-sù*).

⁶⁷ Во избежание этого В.А. Дыбо под пралитовским *-*su* ставит маркировку «⌘» (Дыбо 2014: 19), т.е. применяет сущность «вторичная доминантность» как чисто описательный приём для обозначения «ударного» слога, не вызывающего метатонии. Однако под др.-инд. *-su* В.А. Дыбо ставит «+» (там же: 36), причём, по его мысли, в древнеиндийском плюсовые окончания вызывают метатонию (подобную балтославянской), но только в трёхсложных словоформах (ср. *pit̥su* 'в отцах', но *pad̥sú* 'в ногах' без метатонии). Это явление требует дальнейшего изучения.

Такой акут мешает прямому сопоставлению лит. *-su* со слав. **-хъ*. Имеется одно важное обстоятельство: в литовских подвижных именах (а. п. 3 и 4) двусложные падежные окончания ударяются на последний слог, причём в этом последнем слоге во всех случаях реконструируется акут (с дальнейшим сокращением по закону Лескина). Помимо instr.pl. **-Vmís* > *-Vmìs* (ср. *sūnumìs* 'сыновьями', что сегментно соответствует слав. **-mi*, а не ***-ть*), iness.sg. **-Vjė́n* > *-Vjė̀*, iness.pl. **-Všė́n* > *-Všė̀* (ср. *sūnujė̀* 'в сыне', *sūnuosė̀* 'в сыновьях'), а также (неожиданно) instr.sg. **-Vmí* > *-mì* (ср. *sūnumì* 'сыном', что расходится со слав. **-ть*). Последнее из них имело акут в пралитовском, судя ещё и по жемайтскому рефлексу *-mi*, а не ***-mė́* (Stang 1966: 209). Точно так же ударяется двусложное окончание loc.pl. *-osù*, *-uosù* и т. д., так что у нас нет никакой гарантии, что это старое краткостное ударение, а не результат какого-то вторичного акутирования.

Итак, мы не знаем валентности окончания *-su*. Если «плюс», то не обойтись без вторичного акутирования. Если «минус», то это не исконное **-su*, а остаток вторичного падежа с отпавшим послелогом (иначе было бы ***gálvosu*). Важно также, что, если **-su* действительно входит в состав инессива и суперэссива* (см. ниже), то в них оно вошло в краткой форме (именно **-sų́...*), иначе оно не могло бы синкопироваться (имеем в виду синхронные окончания *-Vsna* – если их строить на локативе, см. ниже). Тогда гипотетическое вторичное акутирование в локативе (без послелогов) имело место после образования вторичных местных падежей. Тем самым, в свете теории метатонии гипотеза о сохранности первичного **-su* в iness.pl. небезупречна.

Как бы то ни было, для нас гласный **-u-* здесь имеет механический смысл – он служит «прокладкой» между исходом первичного падежа и послелогом, предотвращая, в т. ч., сдвиг ударения по закону де Соссюра на послелог (и давая, тем самым, акцентные варианты, не выводимые при отаккузативном подходе). Однако сам гласный **-u-* в итоге устраняется (возможно, не во всех случаях, см. ниже, но в любом случае уже после действия закона де Соссюра).

Посмотрим, что дают наши правила при предположении в *-su* сначала «плюса» (доминантности), а потом «минуса» (рецессивности). Опускаем *ǫ*-основы, каковые акцентно ведут себя тождественно *ā*-основам (но в отлокативных прападежах требуют замены исхода основы **-oj-* → **-ō(n)-*, причём с акутом)⁶⁸.

⁶⁸ В свете нашего подхода это можно понимать не как замену, а как устранение одного типа (отлокативного) и обобщение другого (отаккузативного).

— на доминантном локативе (+):

Сначала к локативу (+) добавим *-*ĕn* (положение «в»: инессив):

nom. sg.	* <i>rañkâ</i> (2)	* <i>gâlĭá</i> (3)	* <i>nagá</i> (4)
(+)iness. pl.	* <i>rañkâsü-ĕn</i>	* <i>gâlĭásü-ĕn</i>	* <i>nagásü-ĕn</i>
1) метат.	* <i>rañkâsuĕn</i>	* <i>gâlĭásuĕn</i>	* <i>nagásuĕn</i>
2) Сосс.	* <i>rãnkâsuĕn</i>	* <i>gâlĭásuĕn</i>	* <i>nagásuĕn</i>
3) Леск.	* <i>rañkâs(ŷ)ę</i>	* <i>galvâs(ŷ)ę</i>	* <i>nagâs(ŷ)ę</i>
4) синк.	<i>rañkose</i>	<i>galvöse</i>	<i>nagöse</i>
5) апок.	<i>rañkos</i>	<i>galvôs</i>	<i>nagôs</i>

Теперь к локативу (+) добавим *-*nâ* (положение «на»: суперэссив*):

nom. sg.	* <i>rañkâ</i> (2)	* <i>gâlĭá</i> (3)	* <i>nagá</i> (4)
(+)superess*. pl.	* <i>rañkâsü-nâ</i>	* <i>gâlĭásü-nâ</i>	* <i>nagásü-nâ</i>
1) метат.	* <i>rañkâsunâ</i>	* <i>gâlĭásunâ</i>	* <i>nagásunâ</i>
2) Сосс.	* <i>rãnkâsunâ</i>	* <i>gâlĭásunâ</i>	* <i>nagásunâ</i>
3) Леск.	* <i>rañkâsuna</i>	* <i>galvâsuna</i>	* <i>nagâsuna</i>
4) синк.	<i>rañkosna</i>	<i>galvósna</i>	<i>nagósna</i>
5) апок.	<i>rañkos(ŋ)</i>	<i>galvós(ŋ)</i>	<i>nagós(ŋ)</i>

Мы опять получили только реальные формы, причём здесь в суперэссиве* подвижные имена получают акут по правилу Лескина-Отрембского-Смочиньского, если признать закономерной синкопу *-*suna* > -*sna* (но см. ниже, где она подана как факультативная и дающая варианты на -*sun*).

Единственная проблема в свете диалектных данных: отсутствие в наших результатах форм а.п. 2 типа *rankósna* (Даукша, Твярячюс, Дятлово, с теми или иными особенностями). Такие формы мы признали закономерными (см. конец разд. 2). Ударение в них может быть только сдвинутым по закону де Соссюра, ибо изначально оно стояло на доминантном корне. Это значит, что второй слог не претерпел метатонии, т.е. стоял не перед первично-доминантным слогом (*-*sŷ*+...).

Рассмотрим и такую модель.

— на рецессивном локативе (–):

Сначала к локативу (–) добавим *-ĕn (положение «в»: инессив):

nom.sg.	*raĩkã (2)	*gãluã (3)	*nagã (4)
(–)iness.pl.	*raĩkãsu-ĕn	*gãluãsu-ĕn	*nagãsu-ĕn
1) метат.	*raĩkãsuĕn	*gãluãsuĕn	*nagãsuĕn
2) Сосс.	*rãnkãsuĕn	*gãluãsuĕn	*nagãsuĕn
3) Леск.	*rankã(s)uĕ	*galvã(s)uĕ	*nagã(s)uĕ
4) синк.	*rankõse	galvosè	nagosè
5) апок.	*rankõs	galvõs	nagõs

Теперь к локативу (–) добавим *-nã (положение «на»: суперэссив*)⁶⁹:

nom.sg.	*raĩkã (2)	*gãluã (3)	*nagã (4)
(–)superess*.pl.	*raĩkãsu-nã	*gãluãsu-nã	*nagãsu-nã
1) метат.	*raĩkãsunã	*gãluãsunã	*nagãsunã
2) Сосс.	*rankãsunã	*gãluãsunã	*nagãsunã
3) Леск.	*rankãsuna	*galvãsuna	*nagãsuna
4) синк.	rankõsna или *rankõsuna (?)	galvosnã или *galvosunã (?)	nagosnã или *nagosunã (?)
5) апок.	rankõs(ŋ) или rankõsun	galvõs(ŋ) или galvosuñ	nagõs(ŋ) или nagosuñ

Формы на *-sun* могли, конечно, образоваться вовсе не так. Но если так, то и эта синкопа могла зависеть в т. ч. от ударения. Тогда в каких-то говорах могло получиться, скажем, только *rankõsna*, но *galvosuñ*, причём тогда бы обобщение одного из исходов могло действовать в разные стороны и по-разному в разных говорах. Впрочем, в части случаев (или даже во всех) *-sun* (и *-sen*?) может быть рефлексом *-sŋ*, вероятно, характерного для древнелитовского (Даукша). В любом случае, сложные конфигурации окончаний и интонаций могли так или иначе упрощаться: например, соотношение *rankõs(ŋ)* : *galvõs(ŋ)* вполне могло привести к колебанию или обобщению, ср. Гервяты ill.pl. *dirvõsun* (2?) 'в почвы', *maridõsun* (2?) 'в моря', *šakõsun* (4) 'в ветки'.

⁶⁹ Мы здесь позволим себе объявить синкопу факультативной.

7. Результаты звукомен

Итак, наши правила могли бы дать следующие формы интересующих нас падежей (пропускаем отклонительные *õ*-основ, так как их прямых рефлексов, в строгом смысле, нет — ввиду перестройки).

(a) без апокопы

nom.sg.	<i>piřštas</i> (2)	<i>kélmás</i> (3)	<i>miřkas</i> (4)
iness.sg.	<i>piřštè</i> * <i>piřštieje</i>	<i>kelmè</i> * <i>kelmiejè</i>	<i>miřkè</i> <i>dieviejè</i>
ill*.sg.	* <i>piřštane</i>	* <i>kelmanè</i>	* <i>miřkanè</i>
superess*.sg.	* <i>piřštiena</i>	* <i>kelmienà</i>	* <i>miřkienà</i>
superl*.sg.	<i>piřštana</i>	<i>kelmanà</i>	<i>miřkana</i>
(+)innes.pl.	—	—	—
(-)innes.pl.	—	—	—
ill*.pl.	<i>piřštuose</i>	<i>kelmuosè</i>	<i>miřkuosè</i>
(+)superess*.pl.	—	—	—
(-)superess*.pl.	—	—	—
superl*.pl.	<i>piřštuosna</i>	<i>kelmuosnà</i>	<i>miřkuosnà</i>
nom.sg.	<i>rankà</i> (2)	<i>galvà</i> (3)	<i>nagà</i> (4)
iness.sg.	<i>rañkoje</i>	<i>galvojè</i>	<i>nagojè</i>
ill*.sg.	* <i>rañkone</i>	* <i>galvonè</i>	* <i>nagonè</i>
superess*.sg.	** <i>rañkaina</i>	** <i>galvainà</i>	** <i>nagainà</i>
superl*.sg.	<i>rañkona</i>	<i>galvonà</i>	<i>nagonà</i>
(+)innes.pl.	<i>rañkose</i>	<i>galvõse</i>	<i>nagõse</i>
(-)innes.pl.	** <i>rankóse</i>	<i>galvosè</i>	<i>nagosè</i>
ill*.pl.	<i>rañkose</i>	<i>galvosè</i>	<i>nagosè</i>
(+)superess*.pl.	<i>rañkosna</i>	<i>galvósna</i>	<i>nagósna</i>
(-)superess*.pl.	<i>rankósna</i> * <i>rankósuna</i> (?)	<i>galvosnà</i> * <i>galvosunà</i> (?)	<i>nagosnà</i> * <i>nagosunà</i> (?)
superl*.pl.	<i>rañkosna</i>	<i>galvosnà</i>	<i>nagosnà</i>

Мы не рассмотрели форм *ǫ*-основ со старым исходом основы (*-*oǝ*-); неясно, его ли мы видим в наречиях типа *toliese* 'вдали' (ср. также iness.pl. *dviese* 'двоём', *keturiese* 'четвером') – в любом случае акут здесь неясен.

(б) с апокопой

nom.sg.	<i>piřstas</i> (2)	<i>kélmás</i> (3)	<i>miřkas</i> (4)
iness.sg.	<i>piřstè</i> * <i>piřstiej</i> (-iè?)	<i>kelmè</i> * <i>kelmièj</i> (-iè?)	<i>miřkè</i> * <i>dievièj</i> (-iè?)
ill*.sg.	<i>piřstan</i>	<i>kelmañ</i>	<i>miřkañ</i>
superess*.sg.	* <i>piřstien</i> (-iè?)	* <i>kelmièn</i> (-iè?)	* <i>miřkièn</i> (-iè?)
superl*.sg.	<i>piřstan</i>	<i>kelmañ</i>	<i>miřkañ</i>
(+)innes.pl.	—	—	—
(-)innes.pl.	—	—	—
ill*.pl.	<i>piřstuos</i>	<i>kelmuõs</i>	<i>miřkuõs</i>
(+)superess*.pl.	—	—	—
(-)superess*.pl.	—	—	—
superl*.pl.	<i>piřstuos</i>	<i>kelmuõs</i>	<i>miřkuõs</i>
nom.sg.	<i>rankà</i> (2)	<i>galvà</i> (3)	<i>nagà</i> (4)
iness.sg.	<i>rañkoj</i>	<i>galvõj</i>	<i>nagõj</i>
ill*.sg.	<i>rañkon</i>	<i>galvõn</i>	<i>nagõn</i>
superess*.sg.	** <i>rañkai(n)</i>	** <i>galvai(n)</i>	** <i>nagai(n)</i>
superl*.sg.	<i>rañkon</i>	<i>galvõn</i>	<i>nagõn</i>
(+)innes.pl.	<i>rañkos</i>	<i>galvõs</i>	<i>nagõs</i>
(-)innes.pl.	** <i>rankós</i>	<i>galvõs</i>	<i>nagõs</i>
ill*.pl.	<i>rañkos</i>	<i>galvõs</i>	<i>nagõs</i>
(+)superess*.pl.	<i>rañkos</i>	<i>galvós</i>	<i>nagós</i>
(-)superess*.pl.	** <i>rankós</i> <i>rankósun</i>	<i>galvõs</i> <i>galvosuñ</i>	<i>nagõs</i> <i>nagosuñ</i>
superl*.pl.	<i>rañkos</i>	<i>galvõs</i>	<i>nagõs</i>

Полученные формы, кажется, покрывают всё разнообразие реальных форм (кроме форм на *-san*, *-sai*, *-suj*, *-suj*, о которых мы пока ничего сказать не можем), однако ясно, что наш мысленный эксперимент с двумя валентностями **-su* может считаться лишь таковым. Впрочем, сами маркировки суть средство синхронного морфонологического описания праязыка (они почти точно так же применяются и в описании современного состояния). Итак, морфонологически на какой-то стадии *-su* – к тому же в сочетании с энклитикой – могло вести себя сложнее, чем мы сейчас можем вообразить. Кроме того, окончание перед клитикой могло апокопироваться значительно раньше и в сложной зависимости от фразовых условий. Такая аномальная (с точки зрения сегментной фонетики «обычных» слов) эволюция налицо в членных формах прилагательных, ср. *dat.sg.m. *baltāmu(i)-jamu(i) > *baltāmjam > baltājam* (с акутом на *-á-*!), *iness.sg.m. *baltamē-jame > *baltamjame > baltājame* (от *báltas* 3 ‘белый’)⁷⁰.

Более того, часть заявленных в литературе форм (например, «*galvóse*»), с помощью наших звукомен мы вывести не можем, что согласуется с их возможной фиктивностью (см. сн. 35).

Что касается форм на *-su*, по-видимому, везде выступающих в значении инессива, то вопрос их отношения к старому локативу (**-su*) требует дополнительного изучения.

Исключённые из итоговой сводки формы *ǫ*-основ типа *iness.pl. sōduose* (2) ‘в садах’, *miškuosē* (4) ‘в лесах’, как явствует из изложенного, «материально» могут представлять собой омонимичные формы *ill*.pl.* При этом, например, формы типа *ill.pl.* (синхронный иллатив) диал. *sodiuosna*, литер. *miškuiosna* мы своими построениями не вывели (вывели только литер. *sōduosna*, диал. *miškuosnā*), ср. успешно выведенные параллельные формы *ā*-основ: диал. *rankósna* ‘в руки’, литер. *nagósna* ‘в копыта’. Впрочем, ввиду полного параллелизма акцентного поведения обоих типов основ, можно в рабочем порядке счесть, что на *ǫ*-основы расширено поведение *ā*-основ (но подобных тезисов мы в этой статье сторонились, избегая аналогических трактовок)⁷¹.

⁷⁰ Именно такая «сверхредуцирующая» эволюция, видимо, имела место во всех членных формах прилагательных (вопреки Hill 2021).

⁷¹ Это часть отдельной большой нерешённой проблемы — замены в *iness.pl. *-ǫj-* (> **-iē-*) на **-ǫ(n)-* (> аукшт. *-úo-*, жем. *-ǫ(n)-*). Её объясняют пропорциональной аналогией с иллативом, например: «*ill.pl. *-āsnā : *-ōsnā = loc.pl. *-āsu : X*, where *X = *-ōsu* [подчёркнут акут]» (Villanueva Svensson 2020: 36). В этой связи отметим вост.-сл. *cadāx* (и пол. *sadach*) – под влиянием *ā*-основ: *rukāx* – вм. др.-

8. Выводы

Как и заявлено в начале, всё изложенное выше – это лишь попытка очертить возможное пространство решений, взяв на вооружение закрытый список правил и применяя их «вслепую». Вольность приходится допускать в четырёх случаях: выпадение (полу)гласного **-s(u)e* (или **-s(u)e?*) > *-se*, упрощение **-nn-* > *-n-*, трактовка синкопы в **-s(u)na* (условий которой мы не понимаем), а также валентность *-su* (но она действительно неизвестна). Однако, кажется, можно утверждать, что за таким анализом кроется не меньше элементов, потенциально пригодных для реконструкции, чем при сознательном построении «сюжета» с многошаговыми аналогиями, в каждой точке ветвления которого, по воле его автора, выбирается один из двух или нескольких путей, диктуемый не строгими правилами, а телеологическими установками.

Таким образом, дальнейшие попытки решения проблемы происхождения литовских иллатива и инессива должны произрастать из более тонкого анализа отдельных морфем (в т. ч. показателей старого локатива), а также лингвогеографических соображений (в т. ч. с учётом разного протекания синкоп и апокоп в литовских диалектах).

ЛИТЕРАТУРА

- Андронов 2021 – *А. В. Андронов*. К вопросу о фонологизации переноса ударения по закону де Соссюра // *Время языка*. Сборник статей памяти профессора В. В. Колесова / ред. С. А. Аверина, М. Б. Попов, Д. В. Руднев, Т. С. Садова, О. А. Черепанова, А. В. Голубева. СПб., 2021. С. 38–46.
- Болотов, Ослон 2019 – *С. Г. Болотов, М. В. Ослон*. «Правило Лескина–Отрембского–Смочиньского» и мнимые исключения из закона де Соссюра // *Балто-славянские исследования*. XX. Москва, 2019. С. 55–91.
- Дыбо 2000 – *В. А. Дыбо*. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. Москва, 2000.
- Дыбо 2014 – *В. А. Дыбо*. Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции // *IWoBA VIII*. Реферати VIII међу-

рус. *садѣхъ* < **-ojsu* (при *рукахъ* < **-āsu*), причём – в порядке курьёза – это аналогическое *-ахъ* (*-ach*) «транспонируется» на балто-славянский уровень также и в виде ***-ōsu* (что дало бы как раз лит. *-uosu*). Другое развитие (ещё больше напоминающее балтийское, но лишь типологически) – с отдельной перестройкой в *ō*-основах: блр. зап. *садѣх* (при *рукѣх*).

- народног скупа о балтословенској акцентологији (Славистички зборник. Нова серија, књига I.). Нови Сад, 2014. С. 17–94.
- Николаев 1989 – С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 46–109.
- Урбанавичене 2011 – Йолита Урбанавичене. Слововые интонации в восточно-аукштайтских говорах литовского языка: экспериментально-фонетическое исследование монофтонгов и полифтонгов // Baltistica. 2011. VII priedas. С. 285–300.
- Vacevičiūtė et al. 2004 – Rima Vacevičiūtė, Audra Ivanauskienė, Asta Leskauskaitė, Edmundas Trumpa. Lietuvių kalbos tarmių chrestomatija. Vilnius, 2004.
- DP – Daukšos postilė, fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926. «Постилла» в сети: www.epaveldas.lt/vbspi/biRecord.do?biRecordId=23538.
- Endzelin 1899 – Janis Endzelin. Über den lettischen silbenaccent // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. 1899. B. XXV. S. 259–274.
- Hill 2020 – Eugen Hill. The origin of the Lithuanian illative // Baltistica. 2020. T. LV. № 2. P. 203–253.
- Hill 2021 – Eugen Hill. The inessive case of Lithuanian ‘long’ (determinate) adjectives and the phonetic realisation of the acute intonation in Proto-Baltic // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXV. СПб., 2021. Ч. 1. С. 238–247.
- Jasanoff 2017 – Jay H. Jasanoff. Prehistory of Balto-Slavic Accent. Leiden; Boston, 2017.
- Kalniņš 2020 – Aigars Kalniņš. Studies in Latvian Comparative Dialectology – with special focus on word-final *-āj(s)/*-ēj(s) and *-āji(s)/*-ēji(s). Stockholm, 2020.
- Kardelis 2006 – Vytautas Kardelis. Mielagėnų apylinkių tekstai. Vilnius, 2006.
- Kardelytė 1960 – Jadvyga Kardelytė. Linkmenų tarmės fonetika // Kalbotyra. 1960. T. II. P. 5–31.
- Kardelytė 1975 – Jadvyga Kardelytė. Gervėčių tarmė. Vilnius, 1975.
- Karulis 2002 – Karulis Konstantīns. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. 2-os sēj. Rīga, 2002.
- Kazlauskas 1968 – Jonas Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika (kirčiavimas, daiktavardis, veiksmažodis). Vilnius, 1968.
- Kortlandt 2019 – Frederik Kortlandt. Aprioristic versus empirical linguistics: the case of Balto-Slavic accentuation // Baltistica. 2019. T. LIV. № 1. P. 105–112.
- Kurschat 1876 – Friedrich Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.
- LD – Zigmas Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
- Mikalauskaitė 1938 – Elzbieta Mikalauskaitė. Priešreformacinių laikų prūsiško Tėve Mūsų nuotrūpa // Archivum Philologicum. 1938. T. 7. P. 102–106.
- Ostrowski 2014 – Norbert Ostrowski. Once again on the postponed neuter pronoun -ti ‘this’ // Baltistica. 2014. T. XLIX. № 2. P. 265–278.
- Ostrowski 2021 – Norbert Ostrowski. The Baltic *-ā-illative // Indogermanische Forschungen. 2021. B. 126. H. 1. S. 65–84.
- Otrębski 1934 – Jan Otrębski. Wschodniolitewskie narzecze twereckie. Kraków, 1934.
- Otrębski 1956 – Jan Otrębski. Gramatyka języka litewskiego. T. III: nauka o formach. Warszawa, 1956.
- Rosinas 1999 – Albertas Rosinas. Inesyvo ir adesyvo formų kilmės ir raidos klausimu // Baltistica. 1999. T. XXXIV. № 2. P. 173–183.

- SEJL – *Wojciech Smoczyński*. Słownik etymologiczny języka litewskiego: [romanes.org/pub/alii/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](http://romanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf).
- Seržant 2004 – *Ilja Seržant*. Zur Vorgeschichte des Inessivs im Urostbaltischen // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2004. T. 51. S. 59–67.
- Stang 1966 – *Chr. S. Stang*. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
- Vidugiris 2004 – *Aloyzas Vidugiris*. Zietelos lietuvių šnekta. Vilnius, 2004.
- Vidugiris 2014 – *Aloyzas Vidugiris*. Lazūnų šnekta. Vilnius, 2014.
- Villanueva Svensson 2016 – *Miguel Villanueva Svensson*. Lith. *ankstī, artī, toli* and Baltic and Slavic *Auslautgesetze* // *Scando-Slavica*. 2016. T. 62. 160–182.
- Villanueva Svensson 2017 – *Miguel Villanueva Svensson*. Lith. *namō, OCS doma* and the PIE directive // *Historische Sprachforschung*. 2017. B. 130. S. 121–140.
- Villanueva Svensson 2020 – *Miguel Villanueva Svensson*. Balto-Slavic accentology, *Auslautgesetze*, and the Baltic secondary local cases // *Baltistica*. 2020. T. 55. P. 5–42.
- Zinkevičius 1980 – *Zigmas Zinkevičius*. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. T. I. Įvadas. Istorinė fonetika. Daiktavardžių linksniaivimas. Vilnius, 1980.
- Zinkevičius 1982 – *Zigmas Zinkevičius*. Lietuvių kalbos postpoziciniai vietininkai // *Baltistica*. 1982. T. XVIII. № 1. P. 21–38.
- Žilinskaitė 2010 – *Eglė Žilinskaitė*. Vietos raiška Mikalojaus Daukšos Postilėje postpoziciniai vietininkai ir jų funkciniai ekvivalentai (dis.). Vilnius, 2010.

Mikhail V. Oslon
Kraków, Poland

More on the issue of the origin of the Lithuanian inessive and illative cases

The four so-called secondary locatives in Lithuanian, namely the adessive, allative, inessive, and illative, go back to various combinations of inherited case forms with postpositions. Some of them raise questions, particularly in regard to the basic case forms used in the original spatial expressions, as more than one historical interpretation is often possible. This article is a follow-up to Bolotov, Oslon 2019, where the acute in some case forms (previously unaccounted for) is explained by regular sound changes that occurred at a recent time before syncoated or apocoded syllables. It appears that one can address along the same lines the perplexing array of accentual variants of the inessive (the only productive locative case in standard Lithuanian) and illative (a full-fledged case now only in peripheral eastern dialects). It is argued that by starting with two “proto-cases” for both the inessive and illative (which yields the putative inessive, illative, superessive, and superlative) and applying all the relevant sound changes to these *a priori* combinations, one can arrive at a synchronic state similar to what is actually attested (with the many accentual variants more or less predicted). This procedure was specifically conceived to be purely mechanical, excluding any analogical changes and intended to rely solely on phonology. The results seem to indicate that this is not an impossible scenario, yet further investigation should rely on a more detailed analysis of the accentual properties of individual morphemes (including the old locative markers) as well as dialectological considerations (such as the potentially disparate chronology of the syncope and apocope across Lithuanian dialects).